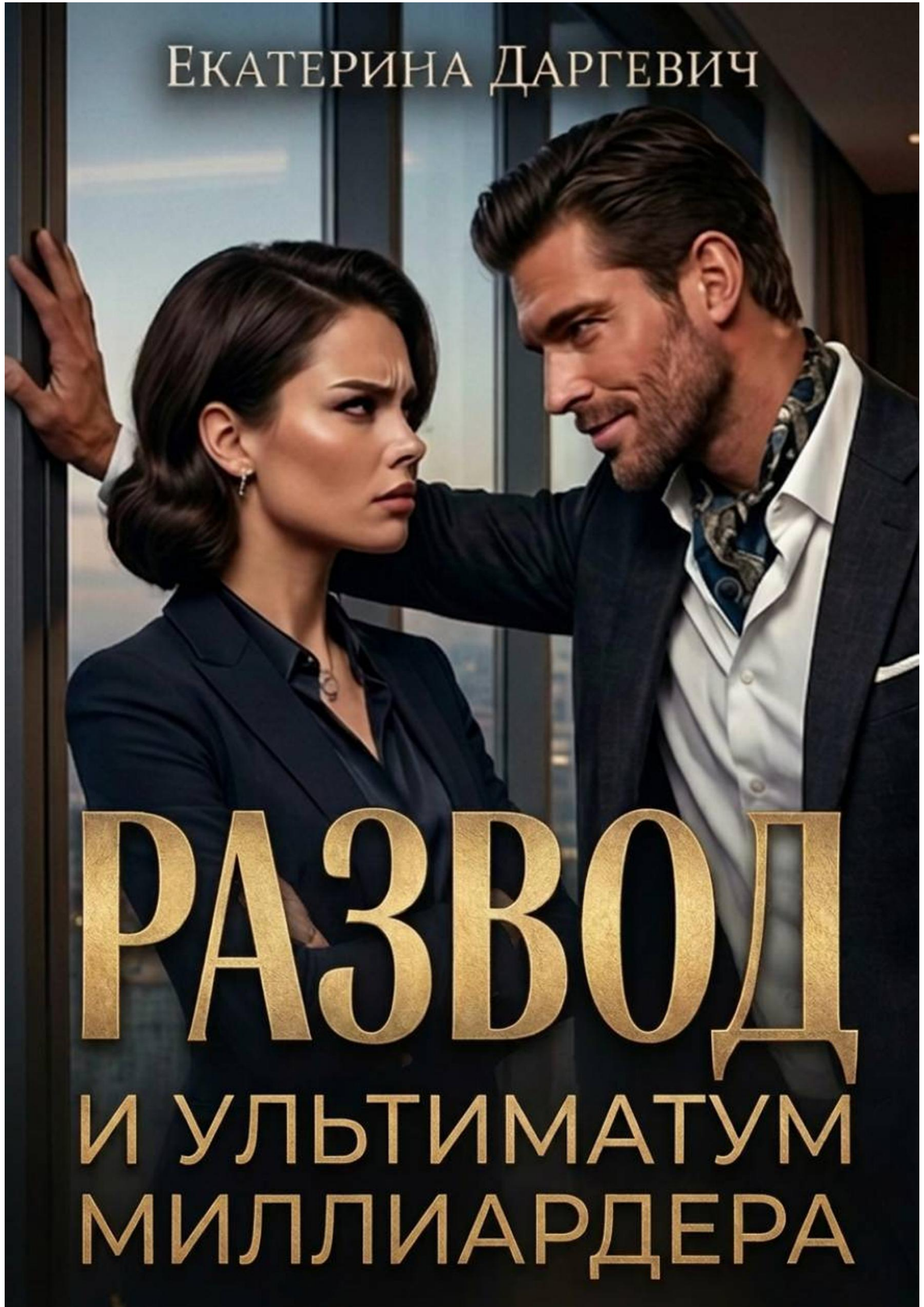

Екатерина Даргевич
РАЗВОД
И УЛЬТИМАТУМ
МИЛЛИАРДЕРА

Екатерина Даргевич

Развод и ультиматум миллиардера

«Автор»
2026

Даргевич Е. В.

Развод и ультиматум миллиардера / Е. В. Даргевич — «Автор», 2026

Мой муж завел другую семью и подал на развод. Потеряв всё, я села за руль и попала в аварию, въехав в машину миллиардера. И теперь новый кредитор намекает, что огромный долг можно отработать в его спальне.В книге есть: властный герой, развод, обязательный хэппи-энд.

© Даргевич Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Глава 8 20
Глава 9 22
Глава 10 24
Глава 11 26
Глава 12 28
Глава 13 30
Глава 14 32
Глава 15 35
Глава 16 38
Глава 17 41
Глава 18 43
Глава 19 45
Глава 20 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Екатерина Даргевич
Развод и ультиматум миллиардера

Глава 1

— Ты действительно думал, что я ничего не узнаю? — мой голос сорвался, когда я с силой швырнула на стеклянный стол телефон с открытой перепиской, и звук этого удара показался мне оглушительным.

На светящемся экране была не просто очередная игривая переписка, а электронный чек из элитного перинатального центра. Оплата индивидуальной ВИП-палаты. И фотография крошечного свернутого кулечка с подписью: “Наш сыночек — копия тебя. Папа, мы ждем тебя!”. Отправитель — Светочка, юная дочь нашего главного инвестора.

Три года я проходила через настоящий ад гормональной терапии, колола препараты и жила от анализов до анализов, пока мы жестко экономили на всем, чтобы собрать нужную сумму на ЭКО. Я свято верила, что мы ВМЕСТЕ боремся за нашу общую мечту, а оказалось, что это только мне надо и это только я экономлю на себе. Мой муж ни в чем себе не отказывал, гулял и отрывался с другой женщиной.

Я ждала оправданий, крика, хоть капли раскаяния или стыда за то, что он оплатил ее роды. Но Вадим даже не вздрогнул. Он лишь сделал глоток утреннего кофе и совершенно будничным тоном, даже не оторвавшись от чашки, произнес:

— Мы разводимся, Алена. Давно пора было это закончить.

— Закончить?! — я задохнулась от возмущения, чувствуя, как земля стремительно уходит из-под ног. — Я сутками напролет вкалывала менеджером по продажам, отдавая тебе до копейки все свои бонусы, чтобы спасти твой стартап от банкротства, пока ты красиво пожимал руки на презентациях! Я отказывала себе во всем, чтобы у нас был надежный тыл и такой долгожданный ребенок!

— Вот именно, — он скривился, словно от сильной зубной боли. — Ты вечно на своих созвонах с клиентами: дерганая, уставшая. Ты сама меня до этого довела, потому что с тобой невозможно жить. Ты превратилась в ломовую лошадь, а не в женщину, в то время как Света... она легкая.

Конечно, легкая, особенно когда всю грязную работу за тебя делает жена.

— Я подаю на развод, — процедила я, разворачиваясь к шкафу и доставая с верхней полки дорожную сумку. — Мне ничего от тебя не нужно, я ухожу.

Вадим откровенно рассмеялся, вальяжно откинувшись на спинку стула:

— Скатертью дорога. И, кстати, даже не рассчитывай получить при разводе половину моей фирмы. Она с самого первого дня оформлена на мою маму. А все те переводы, в которые ты вбухивала свои премии, спасая нас от банкротства — это по закону просто добровольная финансовая помощь мужу. Тебе там ничего не светит. Твоя полезность закончилась, Алена. Я выхожу на новый уровень, а ты со своим унылым лицом в мой новый глянцевый статус просто не вписываешься.

Я замерла, сжимая в руках скомканную блузку, пока до меня доходил весь масштаб его предательства. Он забрал всё: мое время, мое здоровье, все мои сбережения и мое будущее, вышвырнув меня на обочину словно отработанный материал.

Мне невыносимо захотелось оказаться от этого человека как можно дальше. Я молча закинула в сумку пару первых попавшихся вещей и решительно направилась к входной двери.

— Телефон оставь, — вдруг бросил мне в спину этот “успешный бизнесмен”. — Я тебе его на годовщину дарил. И ноутбук тоже оставь, он куплен на деньги моей фирмы.

Мужчина, который минуту назад рассуждал о новых уровнях и глянцевом успешном успехе, сейчас мелочно и жалко требовал обратно подаренный телефон.

Я молча забрала симкарту и выложила мобильник на тумбочку, схватила с крючка ключи от моей старенькой малолитражки, которую мы брали в кредит и за которую исправно платила я, и выскочила под проливной дождь.

Дворники машины едва справлялись с потоками воды, размазывая по лобовому стеклу грязь. Я шмыгала носом, стирая со щек и глаз слезы, совершенно не соображая от боли, и слишком поздно заметила, как прямо передо мной возникли фары и громадная черная машина. До упора вдавив педаль тормоза, я услышала лишь жуткий визг шин, за которым последовал глухой удар и страшный скрежет сминаемого металла. Подушка безопасности выстрелила в лицо с такой силой, что в глазах мгновенно потемнело.

Глава 2

Очнулась я от того, что кто-то властно и ритмично вдувал воздух мне в легкие, жестко обхватив мое лицо горячими ладонями. Спиной и ногами я почувствовала, что лежу на чем-то мокром и твердом. Распахнув глаза, я судорожно закашлялась, глотая воздух, и уставилась в синие глаза незнакомца.

Мужчина в идеальном, хоть и безнадежно испорченном грязью костюме, сидел на корточках прямо в луже и абсолютно спокойно убирал мокрые пряди с моего лица. От него даже сквозь запах гари веяло дорогим парфюмом.

— Что произошло? — хрипло вырвалось у меня. Я попыталась приподняться и сфокусировать зрение, чувствуя, как мои руки трясутся.

Я заторможенно проследила за его взглядом. Моя машина стояла на встречной полосе, намертво впечатанная в эксклюзивный спорткар. Его капот был смят в гармошку, и из-под искореженного металла валил сизый дым, смешиваясь с пеленой дождя. А незнакомец абсолютно спокойно стирал большим пальцем грязную воду с моей щеки.

Дыхание перехватило, но я резко втянула сырой воздух, сбрасывая оцепенение. Я отстранилась от его горячих ладоней, опираясь руками о мокрый асфальт, и кое-как села ровно.

“Я сама.”

Холод пробирал до костей, но я упрямо сжала зубы, чтобы они перестали стучать.

“Мы попали в ДТП?” — я потерла саднящий лоб, нащупав липкую рану, и тут же принялась озираться в поисках своей сумки. — “Нужно выставить знак аварийной остановки. Мой полис в бардачке, сейчас я его достану...”

Мужчина замер, чуть склонив голову набок, уголок его губ дрогнул. Кажется, его что-то забавляло.

“Кирилл Сергеевич! Скорую надо вызвать?” — выкрикнул мужчина с зонтом, укрывающий своего босса от проливного дождя.

И только тут я заметила троих крепких мужчин в одинаковых темных костюмах. Один из которых держал надо мной огромный зонт, а еще один говорил что-то в гарнитуру.

“Отставить скорую для меня, я дико опаздываю,” — мужчина легко поднялся на ноги, брезгливо стряхнув грязь с безнадежно испорченного пиджака. — “А вот девушке вызывайте платную бригаду. Живо.”

Он достал из внутреннего кармана уцелевший кожаный бумажник, вытащил плотную визитку с золотым тиснением и сунул ее мне прямо в дрожащие пальцы. Сверху легла стопка крупных красных купюр.

“Это на нормальную клинику и такси,” — безапелляционно заявил он. — “И позвоните мне, когда придете в себя.”

“Но я же виновата!” — я попыталась вернуть ему деньги обратно, с трудом поднимаясь на ватных ногах. — “Я всё возмещу! Заберите...”

“Останьтесь здесь, под зонтом. Мои люди дождутся врачей, ДПС и всё оформят,” — властно отрезал он. Проигнорировав протянутые купюры, мужчина развернулся и уверенно зашагал к открытой двери внедорожника. — “Меня зовут Кирилл Соколов.”

“А я Алена!” — крикнула я в спину удаляющемуся силуэту, беспомощно сжимая в руке мокрую визитку и чужие деньги.

Тяжелая дверь захлопнулась. Внедорожник сорвался с места, и я осталась стоять под проливным дождем в компании хмурых охранников, ожидая сирену скорой помощи.

Платная медицинская бригада, вызванная людьми Соколова, примчалась с пугающей скоростью. В просторном, пахнущем стерильностью и медикаментами салоне скорой меня

заботливо усадили на мягкую кушетку. Врач светил мне в глаза узким фонариком, профессионально ощупывал ушибленные ребра и хмурил брови.

“Сотрясение легкой степени, ушиб грудной клетки и сильнейший стресс. Вам нужно в клинику на обследование, девушка,” — безапелляционно заявил он, аккуратно заклеивая обработанную ссадину на моем лбу пластырем.

Какая еще больница, только этого мне не хватало? Мой муж только что вышвырнул меня на улицу, присвоив все деньги, которые я годами вливала в его фирму. Мне нужно срочно искать адвоката и думать, как жить дальше. У меня совершенно нет времени лежать под капельницами и жалеть себя.

“Я в полном порядке. Спасибо. Это просто царапина,” — я упрямо сжала зубы и, игнорируя недовольное ворчание доктора, дрожащей рукой подписала отказ от госпитализации.

Один из охранников Соколова, который всё это время молча стоял у открытых дверей скорой, спорить со мной не стал. Он просто кивнул, вызвал в приложении такси бизнес-класса, расплатился с водителем и лично проследил, чтобы я села в теплый салон.

До старой маминой квартиры — моего единственного теперь убежища — я добралась уже глубокой ночью. Едва я успела повернуть ключ в замке, как дверь резко распахнулась изнутри. В прихожей густо пахло корвалолом и горячим ромашковым чаем.

Мама стояла на пороге в стареньком халате, судорожно сжимая в руках мобильный телефон. Заметив пластырь на моем лбу, бледное лицо и насквозь промокшую одежду, она громко ахнула и бросилась ко мне.

— Леночка! Господи, что случилось?! Я оборвала тебе весь телефон, ты вне зоны! — мама принялась ощупывать мои плечи, заглядывая в глаза с неприкрытым ужасом. — Вадим звонил, наговорил каких-то гадостей про развод и машину... А ты! Ты же еле стоишь! Как себя чувствуешь? Может скорую вызвать?

Мой внутренний ресурс был вычерпан до самого дна, но многолетняя привычка быть сильной сработала на автомате. Я мягко, но уверенно перехватила трясущиеся мамины руки, останавливая панику.

— Мам, стоп. Всё хорошо, — я заставила себя улыбнуться, хотя губы едва слушались от холода и усталости. — Небольшая авария, просто царапина. Врачи уже осмотрели, жить буду.

Мама всхлипнула и попыталась затащить меня на кухню, чтобы немедленно лечить горячим бульоном, валерьянкой и разговорами по душам.

— Я сейчас тебе чайник поставлю, ванну наберу… Как же этот подлец мог так с тобой поступить?!

— Мамуля, прошу тебя, — я приобняла ее за вздрагивающие плечи, мягко направляя в сторону ее спальни. — С Вадимом мы действительно разводимся. Это окончательно и обсуждению не подлежит. Но прямо сейчас я просто валюсь с ног. Давай мы переживем всё это завтра на свежую голову, ладно?

Пришлось потратить последние крупицы энергии, чтобы убедить ее лечь в постель и клятвенно пообещать, что со мной всё в порядке.

Оказавшись, наконец, в своей старой детской комнате, я стянула влажную одежду и завернулась в колючий шерстяной плед на узком диване. Сил не осталось даже на то, чтобы заплакать от обиды. Я провалилась в сон как только голова коснулась подушки, намертво сжимая в кулаке плотную визитку с золотым тиснением.

На следующий день мой телефон раскалился от звонков: юристы Кирилла Сергеевича оценили ущерб, и сумма за ремонт эксклюзивного спорткара с кучей нулей прозвучала для меня как настоящий приговор.

Глава 3

А поздно вечером раздался звонок с незнакомого номера.

— Алена, — низкий мужской голос прозвучал в трубке властно и обволакивающе. — Мои юристы немного перестарались, поэтому я лично приостановил дело. Завтра жду вас в своем офисе на Пресненской набережной, в башне «Федерация». На ресепшене скажете, что ко мне, пропуск уже заказан.

Я растерянно открыла рот, чтобы хоть что-то возразить, но он добавил тоном, не терпящим абсолютно никаких пререканий:

— Встреча ровно в десять утра. Обсудим, как вы будете отрабатывать долг, и искренне советую вам не опаздывать.

Я с усилием толкнула тяжелую металлическую дверь маминого подъезда, на ходу застегивая пуговицы строгого бежевого тренча. До судьбоносной встречи в башне «Федерация» оставался ровно час, и этого времени идеально хватало, чтобы спуститься в метро, доехать до Сити и выровнять сбившееся дыхание перед тяжелым разговором с Соколовым.

Но мой путь неожиданно преградила фигура в полицейской форме. Прямо у крыльца мигал проблесковыми маячками служебный автомобиль, рядом с которым сиротливо жалась моя изувеченная малолитражка. Вчера вечером эвакуатор выгрузил её прямо во дворе — единственном месте, где я смогла найти бесплатный приют после полного краха моего брака.

— Алена Сергеевна? — участковый внимательно сверил мое уставшее лицо с фотографией в своем рабочем планшете. — Прошу пройти к машине для дачи показаний. К нам поступило заявление об угоне данного транспортного средства, а заявитель — ваш супруг.

Сердце пропустило болезненный удар, а разрозненный пазл в голове сложился мгновенно. Малолитражка формально числилась на Вадиме, и, узнав о моей вчерашней аварии, он решил нанести максимально подлый, расчетливый удар в спину. Я пять лет вкалывала менеджером, выбивала премии, тащила на себе весь наш быт, финансировала его бесконечные бизнес-идеи и закрывала долги, пока он развлекался со Светочкой. Вчера вечером я обрубила эту финансовую кормушку, и, лишившись моих денег, бывший муж взбесился от собственного бессилия, натравив на меня полицию.

— Произошла чудовищная ошибка, — я заставила свой голос звучать абсолютно ровно, хотя пальцы до побеления костяшек вцепились в кожаный ремешок сумки. — Этот автомобиль приобретен в браке, и я официально вписана в страховку. Сейчас я достану документы.

Холодный осенний ветер безжалостно трепал уложенные утром волосы, а сырой воздух забирался прямо под тонкую ткань тренча. Я стояла посреди серого двора, прижимая к холодному капоту полицейской машины бумажный бланк, пока дешевая шариковая ручка постоянно заедала, с противным скрипом царапая лист.

Я бросила быстрый, нервный взгляд на запястье. Девять утра. Девять пятнадцать. Девять сорок.

Стрелки часов стремительно пожирали мое драгоценное время, которое теперь всецело принадлежало Кириллу Сергеевичу Соколову — властному миллиардеру, чьи юристы вчера выставили мне счет с шестью нулями.

Внешне я оставалась абсолютным образцом вежливости: спокойно кивала участковому, методично заполняла каждую графу, сухо констатировала факты вчерашнего ДТП и статус нашего бракоразводного процесса, держа спину идеально прямой. Никто не должен был видеть, как мне больно.

Но внутри меня плавился металл, а кровь буквально кипела от ярости. Вадим попытался окончательно разрушить мою жизнь, связав по рукам и ногам бессмысленной бумажной воло-

китой, ведь опоздание на такую встречу грозило мне настоящей катастрофой. Такие люди, как Соколов, воспринимают чужую задержку как личное оскорбление.

— Благодарю за содействие, Алена Сергеевна, — участковый, наконец, спрятал исписанный лист в папку и вернул мои документы. — Дальше будете делить имущество в суде. Вы свободны.

Я сжала паспорт в кулаке, резко развернулась и бросилась бежать в сторону метрополитена. Каблуки-лодочки звонко вбивались в мокрый асфальт, дыхание болезненно сбилось, а ноги гудели от напряжения, но я была обязана добраться до башни любой ценой.

Глава 4

Посмотрев вверх на башню «Федерация» я увидела как небо отражается в стеклах. Я влетела в просторный холл буквально за пару минут до назначенного времени, судорожно глотая ртом прохладный кондиционированный воздух.

Скоростной лифт вознес меня на верхний этаж так стремительно, что неприятно заложило уши. Мое сердце, и без того бешено колотящееся после сумасшедшего утреннего марш-броска, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Зеркало в кабине безжалостно отразило раскрасневшееся лицо и растрепавшуюся от ветра прическу. Я торопливо попыталась пригладить выбившиеся непослушные пряди и одернуть помявшийся тренч, готовясь к худшему, когда металлические двери бесшумно разъехались в стороны.

Трехуровневый офис-пентхаус Соколова поражал воображение с первой секунды. Здесь не было никакой вычурной позолоты или кричащей роскоши — только огромные пространства стекла, грубый натуральный камень и выверенный до миллиметра минимализм.

Кирилл стоял у огромного панорамного окна на фоне раскинувшегося внизу города, словно хозяин этого мира. Сегодня на нем была белоснежная рубашка с расстегнутым воротом и невероятно стильный темно-синий шейный платок — дерзкая деталь, способная сделать любого другого мужчину смешным, но ему придающая особый, магнетический шарм.

— “Кофе? Или, может, стакан воды?” — он плавно обернулся и вдруг замер на полуслове.

Я смущенно попыталась поправить волосы, ожидая заслуженной насмешки над своим взмыленным видом, но в пронзительно-синих глазах Соколова промелькнуло откровенное мужское любопытство. Его взгляд медленно, почти осязаемо скользнул по моим пылающим щекам, задержался на влажных, приоткрытых для жадного вдоха губах и опустился ниже — туда, где под тонкой тканью блузки быстро и прерывисто вздымалась грудь. Кажется, моя внешняя неидеальность совершенно его не оттолкнула.

— “Выглядите так, будто бежали сюда марафон, Алена,” — сказал он пододвигая чашку кофе и при этом его голос потерял светскую легкость и стал заметно глуше, заставляя воздух между нами неуловимо наэлектризоваться.

— “Я предпочитаю сразу перейти к делу, Кирилл Сергеевич,” — вежливо, но твердо отодвинула я предложенную чашку кофе, изо всех сил стараясь выровнять дыхание и выстроить между нами глухую невидимую стену. — “Я верну вам деньги за ремонт машины. Возьму кредит, найду вторую работу, продам мамину дачу. Я все отработаю. Сама.”

Он тихо рассмеялся, и в этом бархатном звуке слышалось искреннее предвкушение интересной игры. Соколов сделал неспешный шаг ко мне, сокращая дистанцию до неприличия. От него повеяло запахом кофе и неуловимого мужского аромата, от которого почему-то предательски слабели колени.

Мужчина остановился так близко, что я почти ощутила жар его сильного тела. Медленно, с пугающей уверенностью он протянул руку и кончиками пальцев аккуратно отвел непослушную влажную прядь от моего лица. От этого мимолетного, обжигающего касания по коже пробежала стайка мурашек.

— “Бросьте, Алена,” — его голос превратился в гипнотизирующий шепот. — “Вы не выплатите эту сумму и за десять лет каторжного труда. Ваши кредиты и три работы — это невыносимо скучно. Но у меня есть куда более изящное решение нашей проблемы. Альтернативный вариант.”

— “Какой еще вариант?” — напряглась я, хотя сердце уже забилось в панике, предчувствуя подвох.

— “Мой пентхаус, шелковые простыни, дорогое шампанское,” — он скользнул взглядом по моим губам, не скрывая откровенного мужского желания. — “Вы проведете со мной

несколько жарких ночей, подарите мне немного красоты и страсти, и мы в расчете. Долг полностью аннулируется. Поверьте, вам очень понравится так расплачиваться."

Мои щеки вспыхнули от унизительного, грязного предложения. Этот лощеный миллиардер всерьез решил купить меня за кусок искореженного металла!

— "Вы в своем уме?!" — я резко отшатнулась, сбрасывая его руку. — "Я не продаюсь ни за какие миллионы! Ищите себе девочек для шелковых простыней в другом месте."

Кирилл ничуть не смутился. Наоборот, моя вспышка ярости, кажется, его только развлекла.

— "Жаль. Это было бы очень красиво," — в его голосе промелькнула искренняя досада эстета, у которого сорвался идеальный план. — "Все продаются, вопрос лишь в цене и подаче. Но раз вы так отчаянно настаиваете на честном труде, значит, будете отрабатывать иначе. Исключительно по моим правилам."

Соколов расслабленно оперся о стеклянную столешницу, скрестив руки на груди. Тонкая ткань белоснежной рубашки натянулась на его широких плечах.

— "У меня через две недели грандиозный закрытый прием для иностранных инвесторов," — абсолютно деловым тоном продолжил он, словно секунду назад не предлагал мне лечь с ним в постель. — "Мой ивент-менеджер слегла с острым аппендицитом. Вы — отличный продажник и управленец, я навел справки. Организуете всё на высшем уровне, спасете мой вечер — и долг списывается. Но главное условие: на это время вы переезжаете в мой загородный дом."

— "Я не буду жить у вас, Кирилл Сергеевич. Это абсолютный абсурд," — я выдержала его магнетический взгляд, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— "Никакого абсурда, исключительно холодный расчет, Алена," — парировал он. — "Ваш бывший муж бегает за вами с полицией и строчит заявления об угоне. Завтра он заблокирует ваши кредитки, а послезавтра придет скандалить на ваше рабочее место. Мне для организации приема нужен профессионал с ясной головой, а не загнанная в угол женщина, которая вздрагивает от каждого звонка."

— "Я сама сниму номер в гостинице!" — упрямо процедила я, крепче сжимая ремешок сумки.

— "На какие деньги?" — он изогнул бровь с такой очаровательной ироничной улыбкой, что мне захотелось запустить в него степлером. — "На те, которых у вас больше нет? К тому же, моя служба безопасности уже забрала ваши вещи из разбитой машины. Нет, Алена. Вы живете у меня, под круглосуточной охраной. Это ультиматум."

Мой внутренний голос кричал об опасности, напоминая, что на мужчин полагаться нельзя. Но сил бороться в одиночку у меня больше не оставалось.

— "Только деловые отношения," — я вздернула подбородок, выстраивая между нами невидимую бетонную стену. — "И никаких больше предложений про шампанское и простыни."

Кирилл тихо рассмеялся, плавно оттолкнувшись от стола.

— "Договорились. Едем в Горки."

Глава 5

Огромный черный внедорожник Соколова мягко шуршал шинами по мокрому асфальту Рублево-Успенского шоссе. Я сидела на пассажирском сиденье, вцепившись в кожаную обивку так крепко, что у меня побелели костяшки. Я внутренне подсчитывала масштабы катастрофы. В голове крутилась старая шутка: “Когда я думал что достиг дна, снизу постучали”.

Дом Соколова оказался торжеством безупречного минимализма. Огромные плоскости стекла от пола до потолка, сосна и грубый натуральный камень.

Шестиметровые потолки гостиной были залиты мягким светом от множества скрытых светильников, а на фоне стены цвета слоновой кости дерзко выделялось мозаичное панно бархатно-бордового цвета.

“Нравится?” — Кирилл остановился рядом, засунув руки в карманы идеально скроенных брюк. — “Ненавижу лепнину и позолоту. У меня здесь все функционально.”

“Впечатляет,” — честно призналась я, чувствуя, как от пережитого стресса у меня начинает болезненно ныть каждая мышца. — “Можете ли вы предоставить мне ноутбук и корпоративный телефон, чтобы я могла организовать ваш прием? У нас мало времени.”

Кирилл внимательно посмотрел на мое бледное лицо с заклеенной ссадиной на лбу и решительно покачал головой.

“Вы выглядите так, будто готовы упасть в обморок прямо на мой паркет, Алена. Знаете анекдот? Если лошадь сдохла — слезь. А вы свою лошадь тащите на себе. Мне нужна здоровая, полная сил сотрудница, а не восставший из мертвых зомби.” Он указал рукой в сторону стеклянной галереи. — “Там спа-комплекс, бассейн с подогревом и массажный кабинет. Прямо сейчас вы отправитесь туда.”

“Кирилл Сергеевич, я приехала работать, а не плескаться в бассейне,” — я попыталась выставить между нами дистанцию, включив режим идеального менеджера. — “Я в порядке. Я справлюсь сама.”

“Никаких ‘сама’,” — жестко, но с легкой улыбкой оборвал он. — “Это часть рабочего процесса. Вас уже ждет Нина — лучший профи в городе по расслабляющему массажу. Сугубо женские руки, все абсолютно прилично. Считайте это производственной необходимостью. Час релакса, и только потом ноутбуки с телефонами, которые мои люди как раз подготовят для Вас. Давайте вашу сим-карту.”

Спорить с ним было бесполезно, а мое тело буквально умоляло о пощаде. Коротко кивнув, я капитулировала и достав из сумки и вложив ему в ладонь крошечный кусочек пластика пошла в указанном направлении.

Спа-зона оказалась настоящим оазисом. Тёплый влажный воздух пах дорогими эфирными маслами.

Приятная женщина в белой униформе проводила меня в полутемную комнату, освещённую лишь мерцанием свечей и бликами от воды в бассейне за стеклом.

— Служба безопасности просила срочно передать вам аппарат. Ваша сим-карта уже внутри, — с вежливой улыбкой Нина положила на стеклянный столик новенький смартфон премиум-класса.

Я кивнула, скинула одежду, завернулась в пушистое полотенце и легла на подогретую кушетку. Женские руки мягко легли на мои плечи, начиная плавно разминать зажатые мышцы.

“Расслабьтесь, Алена,” — прошептала массажистка, втирая теплое масло с ароматом сандала.

И я сдалась. Впервые за эти безумные дни я позволила себе просто выдохнуть. Мягкие, уверенные движения прогоняли боль из ушибленных ребер, снимали груз предательства Вадима и тяжесть долгов. Я закрыла глаза, проваливаясь в приятную, тягучую полудрему.

Мысли текли медленно, проблемы казались далекими. Мой внутренний контролер наконец-то уснул.

Когда руки снова коснулись моей спины, что-то неуловимо изменилось. Прикосновения стали шире, горячее, увереннее. Пальцы с приятной тяжестью скользнули вдоль позвоночника, проминая мышцы так глубоко, что по телу прокатилась волна чистого, концентрированного удовольствия.

Я тихо застонала, утыкаясь лицом в мягкий валик. Это было божественно. Руки мастера тем временем спустились к пояснице, плавно поглаживая кожу. А затем эти горячие, сильные ладони скользнули еще ниже.

Движения стали откровенно дразнящими. Пальцы уверенно заехали на границу бедер, почти касаясь паховой области. Внутри меня словно щелкнул тумблер: кровь мгновенно прилила к животу, дыхание сбилось, а по коже побежали крупные мурашки уже совершенно не от расслабления. Мое тело, истосковавшееся по настоящему мужскому вниманию за годы брака с вечно занятым Вадимом, предательски отозвалось на эти обжигающие касания вспышкой острого возбуждения.

Я хотела возмутиться, остановить Нину, сказать, что это уже слишком, но слова застряли в горле. Горячие пальцы продолжали свою сводящую с ума игру, балансируя на самом краю дозволенного.

И тут я почувствовала знакомый, будоражащий аромат дорогого мужского парфюма. Прямо над моим ухом раздался хриплый, пропитанный откровенным желанием шепот:

“Вы такая красивая, когда не пытаетесь всё контролировать, Алена. Уверен, мы можем отработать ваш долг гораздо приятнее, чем составлением бумажек.”

Я распахнула глаза, сердце ухнуло куда-то в пятки. Это был Соколов! Этот самоуверенный индюк подменил массажистку!

Его губы почти коснулись моей шеи, вызывая невольную дрожь.

“Расслабьтесь до конца,” — его голос вибрировал от самодовольства и искреннего предвкушения. — “Никто еще не отказывался от моего куни-вертолюни. Обещаю, я сделаю все по высшему классу, вы забудете свое имя.”

Шок, смущение и возмущение ударили в голову гремучим коктейлем. “Куни-вертолюни”?! Серьезно?! Этот лощеный бабник решил, что может купить меня парой красивых жестов и наглым вторжением в мое личное пространство?

Я резко перевернулась, судорожно натягивая на грудь полотенце, и смерила Соколова, стоявшего передо мной абсолютно обнаженным и с пылающим взглядом. Его синие глаза искрились смехом.

“Спасибо за щедрое предложение, Кирилл Сергеевич,” — я чеканила слова, стараясь дышать ровно, хотя внутри все дрожало от нерастраченного возбуждения. — “Но ваш ‘вертолет’ может отправляться на базу. Я предпочитаю летать соло. Верните мне мою одежду!”

Его брови изумленно поползли вверх — видимо, отказов в этой комнате он действительно еще не получал. Соколов открыл рот, собираясь пустить в ход свой очередной заготовленный шаблон обаяния, но в этот самый момент тишину спа-комплекса разорвал резкий, настойчивый звонок моего телефона, оставленного на столике.

Я метнулась к аппарату, радуясь поводу разорвать зрительный контакт. На экране высветилось имя: “Вадим”.

“Алена, дрянь ты такая!” — заорал в трубке бывший муж так громко, что Соколов отчетливо услышал каждое слово. — “Я сейчас у твоей матери. Если ты сию минуту не вернешь мне ту сумму, которую сняла с нашего общего счета, я подам заявление о краже! И мне плевать, что ты переводила туда свои деньги на эко. Ты сядешь!”

Глава 6

Слова Вадима эхом отскочили от стеклянных стен спа-комплекса и повисли в воздухе тяжелым, удушливым облаком. Моя мать. У нее слабое сердце, а этот негодяй приперся к ней устраивать скандал из-за денег, которые я сама же и заработала!

Дыхание перехватило от липкого страха. Я судорожно прижала телефон к груди, забыв о том, что стою перед Соколовым в одних массажных тоненьких трусиках.

“Я... я сейчас приеду,” — прохрипела я в трубку пересохшими губами, но Вадим уже сбросил вызов.

Я бросилась к стулу, где лежала моя одежда, лихорадочно пытаясь натянуть блузку прямо поверх влажной кожи. Пальцы дрожали, пуговицы не слушались. Слезы бессилия застилали глаза, но я упрямо моргала, загоняя их обратно. Я должна справиться. Я всегда справлялась сама.

“Куда вы собрались?” — спокойный, неожиданно жесткий голос Кирилла заставил меня вздрогнуть.

Вся его игривость и соблазнительные интонации бабника-романтика испарились в одно мгновение. Сейчас передо мной стоял тот самый властный бизнесмен, который привык одним взглядом останавливать миллионные сделки.

“Мне нужно уехать. Домой. К маме,” — я дернула молнию на юбке, избегая смотреть ему в ниже пояса. — “Мой бывший муж... он там. Я должна сама с этим разобраться. Вызовите мне такси, пожалуйста.”

Кирилл шагнул ко мне, решительно перехватывая мои трясущиеся руки. Его ладони, которые минуту назад так бесстыдно скользили по моему телу, теперь крепко и надежно сжимали мои запястья, заставляя остановиться.

“Посмотрите на меня, Алена,” — скомандовал он.

Я упрямо замотала головой. Только не сейчас.

“Я сказала, пустите. Я решу эту проблему сама!” — я попыталась вырваться, но он лишь чуть сильнее сжал пальцы, не причиняя боли, но четко обозначая свою силу.

“Вы никуда не поедете в таком состоянии. Вы похожи на птицу, которая бьется в стекло,” — его тон смягчился, но приказные нотки никуда не исчезли. — “Дайте мне телефон.”

“Что? Нет!”

Не слушая моих возражений, Соколов ловко выудил мобильник из моих пальцев. Разблокировав экран, он нашел последний входящий номер и нажал кнопку вызова, включив громкую связь. Гудки длились бесконечно долго. Наконец, трубку сняли.

“Алена, ты уже едешь или мне начинать выносить отсюда технику в счет долга?” —самодовольно гаркнул Вадим - мужчина, который строил из себя добытчика, теперь делил старые телевизоры!

Я дернулась, но Кирилл предупреждающе приложил палец к своим губам.

“Добрый вечер, Вадим,” — голос Соколова звучал как бархат, в который завернули стальной клинок. — “Это Кирилл Сергеевич Соколов. Полагаю, вы слышали это имя в деловых кругах. Алена Сергеевна сейчас работает на меня. И она очень занята.”

На том конце провода повисла гробовая тишина.

“Э-э... да, Кирилл Сергеевич,” — голос Вадима мгновенно потерял всю спесь, превратившись в жалкое блеяние. — “Но у нас тут семейные разногласия... финансовые...”

“Ваши семейные разногласия закончены,” — ледяным тоном отрезал Кирилл. — “Алена Сергеевна находится под протекцией моей службы безопасности. Если вы еще раз побеспокоите ее или ее семью, если вы хоть пальцем тронете имущество в квартире ее матери — я лично

займусь вашим стартапом. Уверяю вас, проверка из налоговой и пара статей в деловой прессе превратят вашу компанию в пыль быстрее, чем вы успеете сказать ‘банкротство’.”

“Я... я понял. Извините,” — пискнул мой грозный бывший муж.

“И заявление об угоне отзовите. Сегодня же,” — добавил Соколов. — “Всего хорошего.”

Он сбросил вызов и спокойно протянул телефон мне. Я стояла, открыв рот, чувствуя, как внутри бушует коктейль из невероятного облегчения и жгучего, парализующего возмущения.

“Зачем вы это сделали?!” — я выхватила аппарат из его рук. — “Я вас не просила! Я бы справилась сама! Вы выставили меня беспомощной дурочкой, которая прячется за спиной богатого босса!”

“Алена, я только что сэкономил вам кучу нервных клеток. Я просто взял ваши проблемы и умножил их на ноль. Пожалуйста!” Он развел руками, ожидая восхищения. Его идеальная улыбка светилась самоуверенностью.

“Вам не понять,” — я горько усмехнулась, отступая на шаг. — “В моем мире за любую помощь от мужчины всегда приходится платить. И я не собираюсь добавлять эту услугу к своему и без того астрономическому долгу перед вами.”

Я развернулась и быстро зашагала к выходу из спа-зоны, оставляя его стоять посреди комнаты. Внутри меня всё дрожало. Я злилась на него за самоуправство, на Вадима за подлость, но больше всего — на себя. За то, что в ту секунду, когда Соколов жестко осадил моего бывшего мужа, я впервые за много лет почувствовала себя в безопасности.

Глава 7

Влетев в отведенную мне гостевую спальню, я лихорадочно схватила свою сумку.

Пальцы сжали ремешок так, словно это был спасательный круг. На столе лежали ноутбук и телефон, быстро же работают его люди. Воздух в этом огромном, минималистичном доме-аквариуме внезапно стал слишком густым. Мне срочно требовалась нейтральная территория, например гостиница или дешевый мотель на трассе. Любое место, где нет пронзительно-синих глаз, горячих ладоней и непристойных предложений.

Я решительно направилась к выходу кладя в сумку ноутбук с телефоном и мысленно подсчитывая остатки средств на кредитках. На пару ночей в скромном номере хватит, а готовить прием я смогу и из номера, подключившись к местному вай-фаю.

Массивная входная дверь поддалась легко, обдавая меня пронзительным холодом с улицы. Я сделала ровно три шага по идеальному каменному крыльцу, когда путь мне преградил широкоплечий охранник с абсолютно непроницаемым лицом.

“Алена Сергеевна, машина подана, но служба безопасности поселка не пропустит чужое такси за шлагбаум,” — вежливо, но совершенно непреклонно сообщил он, указывая на черный внедорожник Соколова. — “Кирилл Сергеевич распорядился отвезти вас, куда прикажете, за счет компании.”

У меня нервно дернулся глаз. Этот человек предусмотрел всё. Он обложил меня заботой со всех сторон, перекрывая любые пути к отступлению.

“Замечательно,” — процедила я сквозь зубы, крепче прижимая сумку к груди. — “Тогда отвезите меня в ближайший приличный отель. За пределы Рублевки.”

Охранник учтиво распахнул передо мной тяжелую дверцу. Я забралась на кожаное сиденье, чувствуя себя невероятно глупо. Мой грандиозный побег спонсировался тем самым мужчиной, от которого я бежала.

Салон пах дорогим кондиционером и кожей. Едва машина плавно тронулась с места, на панели загорелся экран встроенного монитора, и по громкой связи раздался бархатный баритон Соколова:

“Алена, вы очаровательны в своем упрямстве. Мои люди отвезут вас в «Ритц». Там забронирован люкс на ваше имя.”

“Я сама оплачу себе номер,” — жестко отрезала я, глядя в темноту за окном. — “И я выберу гостиницу попроще.”

“В гостинице попроще клопы и плохой кофе,” — философски заметил Кирилл. — “А вам завтра с утра организовывать мое мероприятие. Я ценю комфорт своих сотрудников. Считайте это командировочными расходами. И, Алена… обещаю, никаких сюрпризов. Отдыхайте.”

Экран погас. Я устало откинулась на подголовник. Спорить с человеком, который бросается люксами как бумажными салфетками, было бессмысленно.

Утро в роскошном гостиничном номере началось с настойчивого стука в дверь. Я едва успела запахнуть белоснежный махровый халат и подойти к порогу, как передо мной возник гигантский красный букет.

Это была корзина роз. Сто одна штука, не меньше. Бархатные, идеальные бутоны источали такой густой аромат, что у меня мгновенно зачесался нос. Из-за этого цветочного великолепия выглядывал улыбающийся курьер. А за спиной у него стояли еще корзины. Я выглянула наружу из номера, а там…

Возникла гигантская красная клумба, которая простиралась вправо и влево от входа в номер, закрывая собой весь пол в коридоре, оставляя только узкий проход между цветами.

“Доставка для Алены Сергеевны.”

Я шумно втянула воздух, и это стало фатальной ошибкой. Густой, удушливо-сладкий аромат ударил по обонянию. В носу невыносимо засвербело.

“Апчхи!” — звонко выдала я, прикрывая лицо ладонью. Слезы мгновенно брызнули из глаз. У меня с детства была жуткая аллергия на эфирные масла.

“Тут десять тысяч и одна роза,” — гордо отрапортовал курьер, протягивая мне электронный планшет для подписи. — “Заказчик просил передать, что вы достойны целого сада.”

Я расписалась вслепую, смахивая слезы рукавом махрового халата. Мой нос заложило. Горло начало предательски першить. Этот миллиардер со своими барскими замашками решил меня добить!

“Увозите,” — прохрипела я, отпихивая ногой ближайшую корзину подальше от своей двери. — “Забирайте эту оранжерею обратно. Или раздайте горничным. Апчхи!”

Я выскользнула в коридор, пытаясь отодвинуть тяжелые цветочные композиции от входа, чтобы хоть как-то проветрить пространство. Полотенце на голове сбилось, глаза покраснели, я шмыгала носом и выглядела абсолютно жалко.

Двери лифта в конце коридора бесшумно разъехались. На мягкий ворс ковра ступили идеально начищенные кожаные туфли.

Кирилл Соколов лично явился оценить свой триумф. На нем был безупречный кашемировый джемпер, волосы слегка растрепаны, а на лице сияла улыбка победителя. Он ожидал увидеть растаявшую от восторга женщину.

Вместо этого он увидел меня. Я с остервенением толкала корзину с розами в сторону от двери, вытирая красный нос и громко чихая прямо в эпицентр его роскошного подарка.

Улыбка медленно сползла с его лица.

Глава 8

“Вы уничтожаете мой романтический шедевр,” — констатировал Кирилл, останавливаясь на безопасном расстоянии от летящих во все стороны бархатных лепестков.

“Я пытаюсь выжить!” — рявкнула я и снова оглушительно чихнула. — “Ваш шедевр вызывает у меня аллергию, Кирилл Сергеевич. Уберите это немедленно.”

Соколов замер. В его пронзительно-синих глазах промелькнуло искреннее, глубокое непонимание. Он подошел ближе, брезгливо отодвигая носком дорогой туфли роскошную экибану.

“Я хотел сделать красиво. Никто еще не выставлял мои букеты за дверь,” — в его голосе звучала неподдельная досада творца, чью картину только что пустили на растопку.

“Привыкайте к новым ощущениям,” — я шмыгнула носом, плотнее запахивая махровый халат. — “Ваши шаблоны сломались. Я возвращаюсь в номер, пока у меня не началась астма. Смету по банкету пришлю вам на почту через час.”

Я захлопнула дверь прямо перед его красивым, растерянным лицом.

Внутри номера воздух оказался чище. Я прислонилась спиной к прохладному дереву двери, пытаясь выровнять дыхание. Моя реакция на его цветы была абсолютно искренней, но где-то глубоко внутри шевельнулось странное чувство. Он ведь действительно старался. Глупо, пафосно, с размахом — но старался ради меня.

Спустя пару часов телефон на тумбочке ожил. На экране высветилось имя моего новоявленного кредитора.

“Алена, я уволил флориста,” — бархатный голос Кирилла звучал бодро, словно утреннего фиаско и не было. — “И готов реабилитироваться. Раз уж с розами вышел полный провал, мы едем в ресторан. Выбирайте любой.”

“Кирилл Сергеевич, мне нужно работать,” — я быстро пробежалась пальцами по клавиатуре ноутбука. — “Банкет через неделю.”

“Вот именно! Нам нужно утвердить меню горячих блюд. А делать это на голодный желудок — преступление против вкусовых рецепторов. Жду вас внизу в семь вечера.”

Спорить с ним означало потерять еще полчаса рабочего времени. Я коротко согласилась и отключилась.

Вечером мы сидели за столиком роскошного видового ресторана на последнем этаже башни “Федерация”. Внизу расстилалась Москва, переливаясь тысячами огней, а в зале играл приглушенный джаз. Кирилл чувствовал себя в этой атмосфере как рыба в воде. Он заказал лучшие закуски, легко шутил с официантом и смотрел на меня тем самым гипнотическим взглядом, от которого у других женщин наверняка слабели колени.

Я достала планшет и положила его на белоснежную скатерть.

“Итак, горячее. Я предлагаю остановиться на фермерской телятине с трюфельным пюре. Иностранные инвесторы любят понятную классику.”

Кирилл изящным движением руки накрыл экран планшета своей теплой ладонью.

“Алена, мы успеем обсудить телятину,” — он улыбнулся, и в синих глазах заплясали хитрые искорки. — “Посмотрите на этот закат. Послушайте саксофон. Отвлекитесь от своих таблиц.”

Я чуть склонила голову, с легкой иронией разглядывая Кирилла.

“Эти фразы вы тоже всем своим спутницам говорите?” — уголки моих губ дрогнули. — “Цветы, закаты, многозначительные взгляды... У вас есть готовый скрипт на каждое свидание, верно?”

Соколов откинулся на спинку стула, откровенно наслаждаясь нашим диалогом. Его ничуть не задело мое разоблачение. Наоборот, его это развлекало.

“Вы весьма острая на язычок. Мне нравится,” — он сделал глоток вина. — “Я люблю делать женщинам красиво. Зачем изобретать велосипед, если проверенные методы приносят обоюдное удовольствие?”

Я открыла рот, чтобы выдать едкий ответ, но слова застряли в горле. Мой взгляд, скользнувший поверх плеча Кирилла, намертво сфокусировался на парочке у входа в зал.

Вадим. Мой бывший муж уверенно поддерживал под локоток Светочку, чье легкое шелковое платье уже обрисовывало округлившийся живот. Ту самую Светочку, чьи роды в VIP-палате он оплатил из денег, которые я годами экономила для нашего ЭКО.

Внутри у меня все перевернулось. Я вцепилась пальцами в край стола, молясь только об одном: пусть они пройдут мимо. Пусть нас посадят в разные концы этого огромного зала.

Но Вадим, обводя помещение хозяйским взглядом, сразу наткнулся на меня. Его лицо вытянулось от удивления, а затем на губах расцвела та самая ядовитая, издевательская ухмылка, которую я так ненавидела в последние месяцы нашего брака. Он шепнул что-то Светочке на ухо, и они целенаправленно направились прямо к нашему столику.

Кирилл, безошибочно уловив мою внезапную бледность и сжатые кулаки, плавно обернулся. Он оценил ситуацию за долю секунды. Вальяжный бабник-романтик испарился. Его место занял жесткий, собранный делец, чью территорию только что нарушили.

“Ого, какие люди,” — Вадим остановился у нашего стола, покровительственно похлопывая свою беременную пассию по руке. — “Алена, ты всё-таки нашла себе нового спонсора? Быстро ты утешилась после развода. А я-то думал, ты рыдаешь в подушку и считаешь копейки.”

Светочка хихикнула, смерив мой строгий офисный костюм откровенно пренебрежительным взглядом.

Мои руки дрожали. Я хотела ответить хлестко, поставить его на место, но горло сковало спазмом. Вся моя выстроенная защита рушилась перед этим наглым вторжением.

И тут Кирилл медленно поднялся. Он оказался на полголовы выше Вадима, а от его спокойной, давящей энергетики бывшему мужу пришлось невольно отступить на шаг назад.

Соколов оперся руками о стол, склонился ко мне и произнес бархатным, глубоким голосом, в котором безошибочно читалась страсть и безграничная власть:

“Любимая, ты забыла упомянуть, что твой бывший такой... забавный.”

Он обошел стол, властно положил горячую ладонь на мое плечо и посмотрел на Вадима сверху вниз.

“Господин хороший. Вы мешаете нам наслаждаться закатом,” — ледяным тоном процедил Кирилл. — “А я крайне агрессивно реагирую, когда моей женщине портят аппетит.”

“Вашей женщине?” — Вадим криво усмехнулся, хотя в его глазах уже мелькнул страх. — “Да вы просто не знаете, с кем связались. Она же бревно, робот с отчетами вместо сердца!”

Кирилл коротко рассмеялся. Этот смех был полон абсолютного превосходства.

“Моя женщина — огонь. Просто она горит только для достойных мужчин.”

Соколов резко наклонился ко мне. Его рука скользнула на мой затылок, пальцы уверенно зарылись в волосы. Я даже не успела вдохнуть, как его губы накрыли мои.

Это должно было быть просто театральное представление. Очередной красивый жест на публику, чтобы утереть нос бывшему. Но в ту секунду, когда наши губы встретились, мир вокруг просто перестал существовать.

Кирилл целовал меня жадно, властно, сокрушая все мои барьеры. Его горячий язык скользнул по моим губам, требуя ответа, и мое тело предательски отозвалось. Я шумно выдохнула, пальцы сами собой вцепились в лацканы его дорогого пиджака. Жар мгновенно разлился по венам, сметая остатки здравого смысла. Театральный поцелуй превратился во что-то пугающе настоящее, выбивающее почву из-под ног.

Глава 9

Его правая рука уверенно зарылась в мои волосы, фиксируя затылок, а левая легла на талию, прижимая вплотную к своему твердому телу. Поцелуй задумывался как эффектный спектакль, звонкая пощечина моему бывшему мужу, но реальность внесла свои жесткие коррективы. Кирилл на вкус оказался обжигающе пряным, с нотками дорогого вина и абсолютной, всепоглощающей уверенности. Мое тело, годами существовавшее в режиме экономии энергии и постоянного стресса, предательски отозвалось на эту ласку. Волна жара стремительно прокатилась по венам, сметая выстроенные барьеры. Мои пальцы, действуя совершенно самостоятельно, судорожно вцепились в лацканы его безупречного пиджака. Я ответила на поцелуй, полностью теряя связь с реальностью под звуки приглушенного джаза.

На несколько бесконечных секунд элитный ресторан башни «Федерация», самодовольный Вадим и его беременная пассия просто перестали существовать. Осталось только головокружительное ощущение свободного падения.

— Кхм… ну вы и даете, — раздался сбоку сдавленный, голос Вадима.

Соколов разорвал поцелуй медленно, издевательски растягивая момент. Он провел большим пальцем по моей нижней губе, откровенно наслаждаясь произведенным эффектом, и только потом лениво повернул голову к моему бывшему мужу.

— Официант! — бархатный голос Кирилла зазвенел сталью, заставляя персонал мгновенно вытянуться по струнке. — Принесите свежевыжатый морковный сок. И счет этих господ запишите на мой стол. Я сегодня в настроении заниматься благотворительностью.

Лицо Вадима приобрело цвет переспелого помидора. Он открыл рот, собираясь выдать какую-нибудь колкость, но под раздавливающим, снисходительным взглядом миллиардера вся его спесь испарилась. Бывший муж крепко схватил Светочку за локоть и буквально потащил ее к выходу, стараясь как можно быстрее покинуть зону своего позора.

Я обессиленно опустилась на стул. Колени превратились в желе, а сердце колотилось как бешеное.

— Шах и мат, — Кирилл элегантно опустился на стул напротив, поправляя манжеты кашемирового джемпера. На его лице сияла улыбка абсолютного триумфатора. — Видели его лицо? Это стоило каждой потраченной секунды. Согласитесь, Алена, мы сработали как гениальная команда.

Он налил сок в свой бокал, излучая спокойствие. Для него произошедшее было просто красивым ходом на шахматной доске. Идеальный жест, чтобы развлечь себя и спасти даму в беде. Но для меня этот поцелуй стал настоящим коротким замыканием. Губы всё еще горели от его прикосновения.

— Вы перегнули палку, Кирилл Сергеевич, — я заставила свой голос звучать ровно, потянувшись за планшетом. — Подобные театральные постановки совершенно излишни. Я вполне способна сама поставить своего бывшего на место.

— Вы потрясающая женщина, Алена, — он искренне рассмеялся, откинувшись на спинку стула. — Вас только что вытащил из неприятной ситуации рыцарь, а вы снова выстраиваете вокруг себя бетонную стену. Просто скажите: «Кирилл, это было восхитительно, я навеки ваша должница».

— Спасибо за ужин, — сухо парировала я, открывая на экране таблицу с таймингом мероприятия. — А теперь вернемся к делу. Нам необходимо утвердить горячее. Шеф-повар ждет отмашки.

Кирилл картинно вздохнул, подпирая подбородок рукой. Он разглядывал меня с откровенным любопытством исследователя, наткнувшегося на аномалию. Его привычные шаблоны — дорогие рестораны, рыцарские спасения и сногсшибательные поцелуи — всегда заканчива-

лись тем, что женщины таяли в его руках. Мои электронные таблицы явно ломали ему весь сценарий.

— Телятина с трюфельным пюре, — согласился он, скользя взглядом по моей шее. — Оставляем телятину. Но учтите, Алена, вы задолжали мне танец. И я всегда забираю свои долги.

Остаток ужина прошел в напряжении. Каждый раз, отрывая взгляд от экрана, я натыкалась на его внимательные синие глаза. Он изучал меня, выискивая трещину в моей обороне. А я отчаянно цементировала эти трещины, до ужаса боясь снова довериться мужчине, который играет чужими эмоциями так же легко, как дышит.

У выхода из ресторана нас ждал внедорожник. Кирилл распахнул передо мной дверцу и ровно, словно речь шла о переносе совещания, сообщил:

— Твои вещи из «Ритца» уже перевезли в Горки. Номер я оплатил. Ты не будешь ночевать в гостинице, когда у тебя есть дом.

— У меня нет дома, — напомнила я, но как-то без прежнего запала.

— Теперь есть, — отрезал он и захлопнул дверцу.

Я хотела возмутиться, но после ужина, поцелуя и сцены с Вадимом сил на новый раунд не осталось. Только мысль, что мои вещи из «Ритца» уже ждут меня в Горках, раздражала и одновременно странно успокаивала. Кирилл снова всё решил за меня.

Обратный путь до Рублевки прошел в тишине. Тяжелая дверь особняка в Горках захлопнулась за нашими спинами, отрезая нас от внешнего мира.

— Спокойной ночи, Кирилл Сергеевич, — я вежливо кивнула, направляясь к лестнице.

— Алена, — его голос настиг меня на первой ступеньке.

Я обернулась. Соколов стоял в центре гостиной. Идеально выверенный свет выхватывал его напряженные плечи. Вся светская игривость растворилась без следа.

— То, что произошло в ресторане, — он сделал плавный шаг ко мне, и его голос прозвучал неожиданно хрипло. — Это был совершенно не спектакль. И вы это прекрасно знаете.

Мое дыхание перехватило. Я замерла, глядя, как он медленно, словно неотвратимая стихия, приближается ко мне, отрезая все пути к отступлению.

Глава 10

— Это был именно спектакль, — я отступила на ступеньку выше, до побеления костяшек вцепившись в холодные перила. — Очень качественный, безумно дорогой спектакль. Вы великолепный актер, Кирилл. Но я слишком давно выросла из возраста, когда верят в сказки про внезапную любовь.

Он остановился у самого основания лестницы. Нас разделяло буквально полметра. Я чувствовала исходящий от него жар, видела, как упрямо сжалась его челюсть. Мой холодный отпор откровенно сбивал его с толку.

— Почему вы постоянно отказываетесь от помощи? — он склонил голову набок. — Я щелкнул по носу вашего бывшего. Я привез вас в безопасный дом. Я делаю всё, чтобы ваша жизнь стала легче. Любая другая женщина на вашем месте давно бы расслабилась и получала удовольствие от процесса.

— Потому что бесплатного сыра не бывает, — горькая усмешка скользнула по моим губам. — Сегодня вы решаете мои проблемы, а завтра выставите счет. Или просто исчезнете, когда вам наскучит эта игра в спасителя. Вы делаете всё это не ради меня, Кирилл. Вы делаете это, потому что вам безумно нравится чувствовать себя всемогущим.

Его глаза угрожающе сузились.

— Вы слишком много анализируете, Алена, — он плавно сократил дистанцию, положив ладонь на перила в миллиметре от моей руки. — Иногда красивый поступок — это просто красивый поступок. Позвольте себе побыть слабой.

— Я сама со всем справлюсь. У меня полно работы, — я вырвала руку из опасной зоны и быстро взбежала по ступеням на второй этаж. — Доброй ночи!

Закрыв дверь гостевой спальни, я прижалась к ней спиной и закрыла глаза. Часть меня отчаянно хотела спуститься обратно. Мне хотелось уткнуться носом в его плечо и сказать: «Пожалуйста, забирай контроль. Решай всё сам». Но животный страх снова оказаться использованной и выброшенной заставлял держать спину прямо. Я открыла ноутбук и погрузилась в цифры. Цифры предсказуемы. Они никогда не предают.

Утро началось с аромата свежемолотых зерен. Спустившись на кухню, я обнаружила за огромным каменным островом самого хозяина дома. Кирилл был одет в светлые льняные брюки и легкую рубашку. Он выглядел свежим, энергичным и подозрительно довольным.

— Доброе утро, — я положила на столешницу планшет. — Я составила график прибытия ваших иностранных инвесторов. Нам нужно срочно согласовать…

— Оставьте это, — он мягко, но непреклонно отодвинул мой экран на край стола и поставил передо мной чашку идеального капучино.

— У нас банкет через шесть дней!

— Именно поэтому нам жизненно необходимо выбрать вино, — Кирилл сделал элегантный глоток из своей чашки, а в его глазах заплясали знакомые азартные искры. — Знаете старый анекдот, Алена? Мужчина на первом свидании обещает достать луну с неба, бросить мир к ногам любимой и увезти ее на край света. А женщина смотрит на него и отвечает: «Луну не надо, край света — это слишком далеко. Ты лучше скажи, кран на кухне починить сможешь?».

Я невольно фыркнула, пряча улыбку за чашкой кофе.

— К чему вы клоните?

— К тому, что вы — та самая женщина с краном! — он всплеснул руками с театральным возмущением. — Я предлагаю вам романтику, комфорт и решение всех проблем, а вы суете мне в лицо график прибытия инвесторов! Мой сомелье утверждает, что лучшие винтажные позиции для нашего мяса находятся в одной частной винодельне. Владелец отказывается продавать коллекцию без личной дегустации покупателем.

— Отлично. Отправьте туда сомелье, — я пожала плечами.

— Он занят. Едем мы.

Кирилл достал из внутреннего кармана пиджака, висящего на спинке стула, два распечатанных посадочных талона и положил их ровно по центру стола.

Я поперхнулась воздухом, разглядывая крупные буквы.

— Тенерифе?! Канарские острова? Вы в своем уме? У нас не утверждена рассадка гостей!

— Рассадку утвердит моя помощница. А мы отправляемся менять обстановку, — Соколов оперся руками о стол, нависая надо мной. Его обаяние заработало на предельной мощности. — Собирайте чемодан, Алена. Ультиматум номер два. Через час мы выезжаем во Внуково-3. Мы летим на два дня.

— Я никуда не полечу! Это полнейший абсурд!

— Это прямой приказ вашего единственного кредитора, — его улыбка стала ослепительной и абсолютно безжалостной. — Или вы летите со мной дегустировать вино, или я отменяю банкет прямо сейчас, и вы будете выплачивать мне долг за разбитую машину до глубокой старости. Выбор исключительно за вами.

Глава 11

Свист турбин частного джета мягко заложил уши. Я сидела в глубоком кожаном кресле, напряженно вглядываясь в иллюминатор, за которым плотным ковром проплывали облака. Мой ноутбук лежал на коленях, но сосредоточиться на работе оказалось совершенно невозможно.

Кирилл находился в своей естественной среде обитания. Для него сорваться посреди рабочей недели на другой конец планеты было таким же привычным делом, как для меня — поход в продуктовый магазин по акции.

— Вам стоит попробовать это смузи, Алена, — он изящным движением протянул мне круглый пузатый бокал с зонтиком. — Оно великолепно снимает стресс от разлуки с любимыми таблицами.

— Благодарю, я предпочту томатный сок, — я спокойно отодвинула бокал. — Кто-то должен работать, пока вы витаете в облаках.

Кирилл весело рассмеялся. Мое железобетонное упрямство его совершенно веселило.

Через несколько часов мы приземлились на острове. Жаркий, влажный тропический воздух мгновенно окутал меня, стоило шагнуть на трап. У ВИП-терминала нас уже дожидался белоснежный кабриолет.

Соколов уверенно вел машину по серпантину. Справа возвышались величественные скалы, а слева раскинулся бескрайний синий океан. Ветер трепал мои волосы и я почувствовала, как тревога начинает медленно ослабевать.

Мы подъехали к роскошной вилле, буквально парящей на краю высокого утеса. Терраса с огромным бассейном визуально сливалась с линией горизонта.

Кирилл остановился у самого края, заложив руки в карманы. Океанский бриз эффектно раздувал полы его светлой рубашки. Он повернулся ко мне, и на его лице появилось то самое фирменное, глубокомысленное выражение влюбленного поэта.

— Посмотри на этот океан, Алена, — его голос понизился на октаву, став низким и гипнотизирующим. — Он такой же бескрайний и таинственный, как человеческая страсть. Мы тратим свои лучшие годы на суету, забывая о том, что по-настоящему имеет смысл. О красоте момента. О свободе быть вдвоем.

Он сделал театральную паузу, ожидая, что я растаю от этой высокой поэзии и брошусь в его объятия.

Я поправила сползшую лямку сумки и внимательно посмотрела на его одухотворенное лицо.

— Кирилл Сергеевич, — я выдержала абсолютно серьезную паузу. — Вы эту проникновенную фразу из паблика с цитатами Джейсона Стэтхэма скачали? Или у вас есть специальная методичка для соблазнения на курортах?

Лицо Соколова комично вытянулось. Весь его тщательно выстроенный, дорогой пафос с грохотом разбился о мою прагматичность. Несколько секунд он смотрел на меня с крайним изумлением, а затем вдруг запрокинул голову и расхохотался.

Его смех был громким, раскатистым и невероятно заразительным. Он смеялся так искренне, что у него выступили слезы.

— Вы просто катастрофа для мужского эго! — выдавил он, вытирая уголок глаза. — Я вез вас за тысячи километров, репетировал эту речь, арендовал лучшую виллу Тенерифе. А вы сравниваете меня с дешевым пабликом!

— Просто вы слишком стараетесь следовать шаблонам идеального обольстителя, — я позволила себе легкую улыбку, проходя мимо него к шезлонгам. — Оставьте эти стихи для юных моделей. Мы прилетели выбирать вино, помните?

— “Дегустация назначена на завтра,” — Кирилл мгновенно справился с собой. Его глаза загорелись настоящим, мужским азартом. — “А сегодня я докажу вам, что способен удивлять без всяких заготовок. Переодевайтесь в купальник. Мы отправляемся туда, куда не возят туристов.”

— “В купальник?” — я скептически скрестила руки на груди, изо всех сил игнорируя то, как предательски быстро забилось сердце от его тона. — “Вы собираетесь поить меня вином на дне океана? Или у вас там припрятана тайная яхта с лепестками роз? Кирилл Сергеевич, вы неисправимы.”

— “Никаких яхт и роз, обещаю. И возьмите слитный, чтобы было удобно двигаться,” — он загадочно усмехнулся и вышел из гостиной нашей виллы, не дав мне возможности поспорить.

Я раздраженно выдохнула, но пошла в спальню. Мой внутренний голос бился в истерике, крича о том, что поездки в купальниках с боссом — это прямой путь к катастрофе. Я слишком хорошо знала, чем заканчиваются сказки, чтобы в них верить. Но какая-то крошечная, отчаянно уставшая часть меня вдруг захотела просто плыть по течению.

Через двадцать минут мы тряслись на сиденьях старенького открытого джипа. Ветер немилосердно трепал мои волосы, пока машина забиралась всё выше по извилистому горному серпантину, увозя нас подальше от глянцевых курортов побережья.

Пейзаж за окном становился диким и настоящим. Сосновые леса сменились террасами, засаженными виноградом и лимонными деревьями.

— “Если вы везете меня в тайный спа-салон в горах, я вас убью!” — крикнула я сквозь шум мотора, пытаясь удержать на носу солнечные очки.

— “Обижаете, Алена!” — Кирилл крутанул руль, сворачивая на узкую грунтовую дорогу. — “Никакого гламура. Только суровая правда жизни.”

Джип затормозил у ворот небольшой, но невероятно ухоженной фермы. Традиционный канарский дом с черепичной крышей, выбеленными стенами и огромным деревянным навесом утопал в зелени. Во дворе суетились куры, а навстречу нам с громким лаем выбежал лохматый пес неизвестной породы.

Я растерянно посмотрела на своего спутника. Лощеный миллиардер из башни «Федерация», который жил в окружении минимализма и бетона, открыл дверцу, ловко подхватил грязного пса на руки и позволил ему облизать свое лицо.

Глава 12

Из глубины двора, вытирая руки о клетчатый фартук, вышла невысокая женщина с добрым лицом. За ней следовал седовласый мужчина в выцветшей рубашке и соломенной шляпе.

— “Кирюха!” — мужчина радостно всплеснул руками.

— “Привет, батя,” — Кирилл шагнул вперед и крепко, по-настоящему обнял мужчину, а затем бережно поцеловал женщину в щеку. — “Мам, мы не с пустыми руками. Я привез вам мою невесту.”

Он повернулся ко мне, и в его синих глазах не было ни капли привычного пафоса или светской иронии бабника-романтика. Только абсолютное, теплое спокойствие.

— “Алена, знакомьтесь. Это мои родители, Сергей Иванович и Надежда Михайловна.”

Я застыла, неловко переминаясь с ноги на ногу в своем идеальном пляжном сарафане, под которым прятался купальник. В моей голове произошел тотальный сбой системы. Я ожидала чего угодно, но не встречи с его родителями. Мужчина, который вчера угрожал моему бывшему мужу стереть его бизнес в порошок, сейчас стоял посреди пыльного двора и улыбался искренней мальчишеской улыбкой.

— “Здравствуйте,” — я вежливо кивнула.

— “Ой, какая худенькая!” — Надежда Михайловна тут же взяла меня за руку, оглядывая с ног до головы. — “Кирилл, ты чем девочку кормишь в своей Москве? Пойдемте в дом, я только что пирог с лимонами из духовки достала.”

— “Мам, пирог потом,” — Кирилл со смехом перехватил инициативу, спасая меня от материнской заботы. — “Мы приехали работать. Сезон сбора не ждет.”

— “Вы заставите меня собирать виноград?” — я посмотрела на свои открытые босоножки, мысленно прощаясь с ними навсегда.

— “Хуже,” — он подмигнул. — “Я заставлю вас его давить.”

Они провели меня на задний двор, где под широким деревянным навесом стояли дубовые чаны, доверху наполненные темными блестящими ягодами. Воздух здесь был густым, сладким и пьянящим.

Кирилл стянул через голову рубашку, бросив её прямо на деревянную скамейку, и остался в одних шортах. Я снова невольно залюбовалась рельефом его спины, но тут же одернула себя, напоминая себе о дистанции.

— “Скидывай сарафан, Алена. Мыть ноги вон там, из шланга,” — скомандовал он, указывая на угол навеса. — “Это старинный рецепт отца. Никаких прессов. Только ноги, солнце и хорошее настроение.”

Мой внутренний голос взвыл. Но Кирилл уже запрыгнул в чан, и виноград с сочным хрустом лопнул под его ступнями. Он посмотрел на меня сверху вниз, и в этом взгляде читался прямой вызов: «Ну же, просто наслаждайся жизнью».

И я впервые за долгое время сдалась.

Сбросив сарафан, я осталась в строгом черном слитном купальнике. Ополоснув ноги ледяной водой из шланга, я неловко перебралась через борт соседнего деревянного чана.

Первое ощущение было невероятно странным. Ягоды прохладным, упругим ковром облепили мои ступни. Я сделала неуверенный шаг, потом второй. Раздался тихий хруст, и по ногам потек липкий сок.

— “Энергичнее, Алена! Вы мне так до вечера даже на один бокал не надавите,” — со смехом подначивал Кирилл, ритмично шагая в своей бочке.

Я упрямо вздернула подбородок.

— “Вы просто боитесь, что я перевыполню ваш план, Кирилл Сергеевич!”

Я начала топтаться быстрее. Сок брызгал во все стороны, оставляя на коже темные сладкие пятна. Через пять минут я уже смеялась в голос, когда Кирилл поскользнулся и едва не упал в виноградную кашу, выругавшись как обычный парень.

Его родители сидели на веранде неподалеку, чистили чеснок и с теплой улыбкой наблюдали за нами. Здесь Кирилл был настоящим. И самое страшное — этот живой Кирилл нравился мне до дрожи в коленях. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности.

Спустя час, совершенно измотанная, но странно счастливая, я сидела на деревянной скамейке, смывая с ног липкий сок под струей воды. Кирилл стоял рядом, вытирая мокрые волосы пушистым полотенцем.

— “Признаю,” — я подняла на него глаза, щурясь от яркого солнца. — “Вы умеете удивлять. Почему вы никогда не рассказывали, что ваши родители живут здесь?”

— “Потому что это мое убежище,” — он присел на корточки рядом со мной, перекрывая вентиль шланга. Его голос стал непривычно тихим и серьезным. — “Здесь нет фальши. Отцу плевать на котировки моих акций, ему важно, чтобы я помог починить забор. Я не привожу сюда случайных людей, Алена.”

Он смотрел на меня так глубоко и открыто, что между нами снова исчезла всякая дистанция. Его искренность была неподдельная.

— “Алена, милая, иди сюда!” — голос Надежды Михайловны с веранды заставил нас вздрогнуть и разорвать зрительный контакт. — “Кирилл, дай девочке переодеться, я ей чай заварила.”

Я накинула сарафан прямо поверх влажного купальника и пошла в дом. Просторная кухня пахла горными травами. Мама Кирилла поставила передо мной кружку травяного чая и пододвинула тарелку с пышущим жаром пирогом.

— “Ешьте, ешьте. Вы совсем вымотались,” — она присела напротив, с теплотой разглядывая мое лицо. — “Знаете, я так рада, что он вас наконец-то привез. Он ведь обычно сбегает сюда один, чтобы спрятаться от всех. А тут вдруг звонит три дня назад, прямо посреди ночи, голос такой взбудораженный. Говорит: «Мам, готовьте гостевую комнату. Я сегодня в такую аварию попал… но, кажется, нашел ту самую. Скоро приеду не один, и в этот раз всё абсолютно серьезно».”

Глава 13

Я замерла с кружкой у самых губ. Горячий пар обжег щеку, но я даже не пошевелилась.

— “Три дня назад?” — переспросила я. — “В день нашей аварии?”

Надежда Михайловна кивнула, ласково улыбаясь, и поправила скатерть:

— “Ну да. Сказал, что в него врезалась самая упрямая женщина на свете, которая отчаянно не велась на его обаяние. Кирилл тогда еще засмеялся в трубку, как мальчишка. Я его таким живым и счастливым много лет не слышала.”

Чашка с легким стуком опустилась на блюдце, расплескав немного ароматного чая. Я уставилась на свои подрагивающие пальцы.

Он всё решил еще тогда.

В тот самый день, под проливным дождем, когда я стояла перед ним перемазанная грязью, потерянная, разбитая предательством мужа и раздавленная астрономическим счетом за разбитый эксклюзивный спорткар. Я искренне думала, что его жесткий ультиматум с переездом и организацией банкета — это просто блажь заскучавшего, циничного миллиардера, привыкшего покупать людей и решать проблемы деньгами. А его Канары, 101 роза и пафосные речи — дешевые заготовки лощеного бабника.

Но он привез меня домой. К своей семье. В место, где нет ни грамма фальши.

Я медленно повернула голову к открытому окну.

Кирилл стоял на залитом солнцем дворе в одних шортах, растрепанный, с перепачканными виноградным соком ногами, и беззаботно смеялся над какой-то шуткой отца.

Все происходило так быстро, и я была к этому совершенно не готова. Не готова была входить в его семью, потом показывать его своим родителям и называть своим женихом. До этого момента я вообще не считала, что у нас ТАК все серьезно. В моей голове это была просто сделка, временная работа на властного босса с легким налетом курортного флирта, от которого я успешно отбивалась.

А оказалось, что ставки в этой игре были максимальными с самой первой секунды.

— “Алена, вы побледнели,” — встревожился голос Надежды Михайловны. — “Вам нехорошо? Перегрелись на солнце?”

— “Всё в порядке,” — я заставила себя улыбнуться, поднимаясь из-за стола. Ноги казались ватными. — “Мне просто нужно немного подышать свежим воздухом. Спасибо за чай.”

Я пулей выскочила из прохладной кухни на залитую солнцем веранду. Мне требовалось пространство, чтобы переварить услышанное. Я обхватила себя руками за плечи, невидящим взглядом уставившись на ровные ряды виноградников, уходящие вниз по склону к самому океану.

Тяжелые, уверенные шаги за спиной заставили меня вздрогнуть. Кирилл подошел тихо шурша травой. От его разгоряченного тела пахло сладким виноградным соком, солнцем и мужской силой.

— “Мама закормила тебя пирогами, и ты решила сбежать?” — в его бархатном голосе слышалась легкая, расслабленная усмешка.

Я резко обернулась. Вся моя растерянность мгновенно переплавилась в жгучее возмущение.

— “Твоя мама оказалась гораздо откровеннее тебя, Кирилл Сергеевич,” — я вздернула подбородок, глядя прямо в его пронзительно-синие глаза. — “Она рассказала мне про твой ночной звонок. Три дня назад. В день нашей аварии.”

Улыбка медленно исчезла с его лица. Он замер на долю секунды, оценивая масштаб пробоины в своем идеальном плане. Соколов отбросил влажное полотенце на спинку плетеного кресла и сделал плавный шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума.

В его взгляде не осталось ни капли светской игривости. Только абсолютная, непоколебимая уверенность, который загнал свою добычу в красивый, залитый солнцем угол.

— “Значит, сюрприз испорчен,” — совершенно спокойно констатировал он, нависая надо мной.

— “Сюрприз?!” — я задохнулась от возмущения, упираясь ладонями в его твердую, горячую грудь, чтобы хоть как-то остановить это наступление. — “Ты превратил мою жизнь в хаос! Ты выставил мне астрономический счет, заставил переехать в свой дом, притащил на другой конец света! Ты играл со мной, как кот с мышью, пока я сходила с ума от стресса!”

— “Я решал проблему, Алена,” — его тяжелые, горячие ладони легли на мою талию, намертво фиксируя меня на месте. — “Ты обнесла себя таким частоколом из независимости и упрямства, что пробиться к тебе обычными ухаживаниями было невозможно. Пришлось использовать тяжелую артиллерию.”

— “Я тебе не бизнес-проект, который можно просто взять и присвоить!” — мой голос предательски дрогнул. Близость его полуобнаженного тела сводила с ума, разрушая остатки здравого смысла.

— “Ошибаешься,” — Кирилл наклонился так близко, что его дыхание обожгло мои губы. Его пальцы собственнически сжались на моей талии, притягивая вплотную к себе. — “Ты — мой самый главный проект. И я всегда довожу начатое до конца. Тебе придется привыкнуть к мысли, что теперь ты принадлежишь мне. И поверь, от долга за машину это уже никак не зависит.”

Глава 14

— “Отпусти меня,” — я попыталась вывернуться из его стального захвата, но с таким же успехом могла толкать бетонную стену.

— “Даже не подумаю,” — Кирилл смотрел на меня в упор, и в глубине его синих глаз полыхало откровенное, обжигающее желание. — “Я увидел тебя на той трассе. Злую, замерзшую, доведенную до отчаяния, но готовую в одиночку драться со всем миром. И в ту самую секунду я понял: мне нужна именно эта женщина.”

Тело предательски плавилось в его руках.

— “Твои методы отвратительны, Соколов,” — прошептала я, чувствуя, как силы сопротивляться стремительно тают.

— “Мои методы работают,” — он самодовольно усмехнулся, убирая большим пальцем выбившуюся прядь с моей щеки. — “Ты сейчас здесь, со мной. И ты смотришь на меня так, что у меня сносит крышу. Признай, Алена, тебе нравится, когда за тебя наконец-то всё решают.”

Это было правдой. Самой страшной, пугающей правдой, в которой я боялась признаться даже самой себе. И сейчас, в сильных руках Кирилла, я впервые чувствовала себя просто женщиной. Желанной, ценной, защищенной.

Но мне надо было время подумать. Без “отвлекающих факторов”

— “Я еду в отель,” — я решительно отстранилась, собирая в кулак всю свою волю. — “Сама. Прямо сейчас.”

Кирилл не стал меня удерживать. Он плавно разжал руки, отступая на шаг. Его лицо снова приобрело то самое расслабленное, снисходительное выражение, словно нашей короткой стычки на веранде и не было.

— “Как скажешь, любимая,” — он изящно повел плечами. — “Но такси сюда не ездят. Поэтому я отвезу тебя сам. Иди попрощайся с родителями, а я пока переоденусь.”

Прощание вышло сумбурным. Надежда Михайловна обняла меня так крепко, словно мы были знакомы всю жизнь, и всучила огромную корзину с домашним вареньем и теплыми лимонными пирогами. Сергей Иванович крепко пожал мне руку, хитро подмигнув на прощание. Я чувствовала себя абсолютной самозванкой, ворвавшейся в эту теплую, настоящую семью.

Обратный путь мы проделали в тишине. Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая океан в роскошные багровые тона. Кирилл вел джип уверенно, одной рукой придерживая руль, а другой расслабленно опираясь на открытое окно. Ветер трепал его волосы. Он выглядел возмутительно идеальным, и это бесило меня еще сильнее.

Мы подъехали к нашей парящей над обрывом вилле, когда на остров опустились густые тропические сумерки.

Я молча выбралась из машины, прижимая к груди корзину с пирогами, как щит. Мой план был прост: закрыться в своей комнате, открыть ноутбук и с головой уйти в составление рассадки инвесторов на предстоящий банкет. Работа всегда была моим лучшим успокоительным.

— “Алена, оставь корзину на кухне и выходи на террасу,” — бросил Кирилл мне в спину, направляясь к винному шкафу в гостиной. — “Мы так и не продегустировали то самое вино.”

— “Я буду работать,” — отрезала я, шагая по прохладному мраморному полу.

— “Работа подождет. Это прямой приказ кредитора.”

Я сжала зубы, оставила подарки на каменной столешнице и вышла на открытую террасу. Воздух здесь был теплым, пропитанным соленым бризом и ароматом ночных цветов. Внизу мерно шумел океан.

Кирилл уже стоял у края бассейна. На низком столике горели свечи, а в прозрачных бокалах рубиновым цветом мерцали бокалы с коктейлями под тропическими зонтиками. Соколов переоделся в легкие светлые брюки и белоснежную рубашку, снова нацепив на себя маску идеального столичного соблазнителя.

Он протянул мне бокал.

— “Выпей. Тебе нужно расслабиться.”

Я взяла тонкое стекло, чувствуя себя глупо в своем пляжном сарафане на фоне его выверенной элегантности. Сделала небольшой глоток. Коктейль оказался невероятно вкусным — насыщенным, оставляющим на языке долгое теплое послевкусие.

— “Итак, вернемся к нашему мероприятию,” — я нервно поправила лямку сарафана, отчаянно пытаясь перевести разговор в деловое русло. — “Инвесторы из Азии предпочитают более легкие закуски. Нам нужно пересмотреть фуршетное меню…”

Кирилл мягко забрал бокал из моих пальцев и поставил его на столик рядом со своим.

— “Хватит прятаться за работой, Алена.”

Он подошел вплотную. Его горячие ладони легли на мои обнаженные плечи, поглаживая напряженные мышцы. Дыхание перехватило.

— “Ты так отчаянно пытаешься доказать всему миру, что тебе никто не нужен,” — его голос понизился до гипнотизирующего, хриплого шепота. — “Что ты железная леди, способная вынести любую катастрофу. Но я вижу, как ты устала. Вижу, как ты дрожишь, когда я к тебе прикасаюсь.”

— “Я просто замерзла от ветра,” — попыталась соврать я, но голос сорвался на хрип.

— “Врешь,” — он улыбнулся, скользя кончиками пальцев по моей шее, заставляя мурашки пробежать вдоль позвоночника. — “Ты боишься поверить. Боишься, что если сейчас расслабишься, я исчезну, как только мне наскучит эта игра.”

Он читал меня как открытую книгу. Выворачивал наизнанку все мои страхи.

— “Потому что такие мужчины, как ты, не меняются,” — я вскинула голову, глядя в его глаза. — “Вы живете красивыми жестами, дорогими отелями и эффектными поцелуями на публику. А как только начинается рутина, вам становится невыносимо скучно.”

Кирилл чуть склонил голову набок, разглядывая мое лицо в мерцающем свете свечей.

— “Ты права. Я люто ненавижу скуку,” — абсолютно честно признался он. — “Но с тобой, Алена, мне не было скучно ни единой секунды с момента нашей встречи. Ты бесишь меня своим упрямством, сводишь с ума своей колючестью и заводишь так, что я готов лезть на стену.”

Его правая рука уверенно зарылась в мои волосы на затылке, а левая легла на поясницу, прижимая вплотную к своему каменному торсу.

— “Прекрати думать. Просто позволь мне доказать, что я лучше твоего бывшего идиота.”

Он не стал ждать ответа. Его губы накрыли мои властно, горячо и невероятно требовательно. В этом поцелуе не было ничего от того театрального представления в московском ресторане. Никакой игры на публику. Только чистая, концентрированная мужская потребность подчинить и забрать свое.

Мои руки сами скользнули по его широким плечам, зарываясь в короткие волосы. Я ответила на поцелуй жадно, сдаваясь этому давящему авторитету, позволяя его языку исследовать мой рот, а его сильным рукам — гладить мою спину. Горячая волна затопила тело, вымывая из головы все мысли о сметах, графиках и долгах.

Океанский бриз обдувал нас со всех сторон, но мне было невыносимо жарко. Кирилл чуть отстранился, тяжело дыша и глядя на мои припухшие, влажные губы.

— “Ты сведешь меня с ума,” — хрипло выдохнул он, подхватывая меня на руки одним слитным, сильным движением.

Мой тихий вскрик потонул в шуме прибоя. Я инстинктивно обхватила его шею руками, чувствуя, как земля окончательно и бесповоротно уходит из-под ног. Кирилл уверенно зашагал через террасу в сторону просторной, залитой лунным светом виллы.

Глава 15

Одурманивающий коктейль яркого солнышка, шума прибоя и мужского магнетизма работал безотказно, отключая логику. Сильные руки Кирилла держали меня так уверенно, словно я принадлежала ему по праву рождения. И на какую-то жалкую, бесконечно долгую секунду мне отчаянно захотелось закрыть глаза и просто позволить ему делать все что он захочет.

Но стоило впереди замаячить широкой кровати, застеленной идеальным белым шелком, как до меня дошло куда он меня несет.

— “Стой. Отпусти меня,” — я уперлась ладонями в его твердую грудь, резко разрывая магию момента. Мой голос дрогнул, но прозвучал достаточно требовательно.

Кирилл замер на полпути, недоуменно глядя на меня. Хватка его горячих рук ничуть не ослабла.

— “Алена? Что не так?”

— “Поставь меня на пол. Сейчас же.”

Он медленно разжал объятия, позволяя мне соскользнуть вниз. Мои босые ступни коснулись прохладного мрамора. Я поспешно сделала шаг назад, инстинктивно обхватывая себя руками за плечи, словно выстраивая физический барьер между нами.

— “Не так быстро, Кирилл Сергеевич. Никакой спальни не будет.”

В тусклом свете луны я видела, как сводятся на переносице его брови. Вся его расслабленная вальяжность испарилась, уступив место откровенному непониманию.

— “Я думал, мы только что всё выяснили на террасе,” — его голос прозвучал глухо, с легкой хрипотцой нерастраченного желания. — “Тебя тянет ко мне точно так же, меня к тебя. Зачем ты снова включаешь свою упрямство?”

— “Слишком все быстро,” — отрезала я, отчаянно пытаясь унять сбившееся дыхание. — “Ты привез меня на остров, напоил коктейльчиком, познакомил с родителями. Очень тонкий, гениальный ход, признаю. А теперь логичный финал — шелковые простыни? Я не очередная модель из твоего бесконечного списка. Я не сплю со своим боссом. И я уж точно не собираюсь расплачиваться телом за разбитые машины.”

Лицо Соколова мгновенно заледенело. Романтическая маска слетела, обнажив жесткого прагматика, не привыкшего к отказам.

— “Ты действительно думаешь, что я привез тебя к своей семье ради секса на одну ночь?” — процедил он, делая предупреждающий шаг ко мне.

Я отступила, вскинув подбородок. Внутри всё сжималось от страха и странной, саднящей боли.

— “Я думаю, что ты привык получать всё, что хочешь, по щелчку пальцев. Я для тебя — просто сложный уровень в игре. Тебе интересно, пока я сопротивляюсь. Но как только я сдамся, тебе станет невыносимо скучно. А мне нужна стабильность, Кирилл, а не курортный роман. Спокойной ночи.”

Не дожидаясь его ответа, я развернулась и почти бегом скрылась в своей гостевой комнате. Щелкнула замком, залезла на кровать свернувшись калачиком и уснула.

Утро встретило меня ослепительным солнцем и тяжелой головой после бессонной ночи. Я приняла ледяной душ, надела максимально строгий бежевый костюм — насколько это вообще было возможно в тропиках — и вооружилась планшетом.

Выйдя на террасу, я мысленно приготовилась к новому раунду осады.

Но Кирилл сидел за столиком с ноутбуком, одетый в белоснежное поло и строгие летние брюки. На его лице не было ни тени вчерашней страсти. Он даже не поднял на меня глаз, быстро пробегаясь пальцами по клавиатуре.

— “Доброе утро, Алена Сергеевна,” — его тон был абсолютно сухим и деловым, словно мы находились в переговорной башне «Федерация». — “Машина ждет у ворот. У нас ровно сорок минут до встречи с сеньором Ривасом. Пейте кофе, и выезжаем.”

Я застыла с чашкой в руке. Никаких ухаживаний. Никаких шуток. Он просто выключил режим соблазнителя.

“Вот видишь,” — ядовито прошептал мой внутренний голос. — “Ты сказала «нет», и его интерес мгновенно испарился. Мужчины предсказуемы.”

Вместо облегчения я почувствовала укол жгучей обиды, но упрямо сжала зубы и уткнулась в свой планшет.

Поместье Риваса напоминало старинный испанский замок, окруженный бескрайними виноградниками. Сам хозяин оказался седым, невероятно гордым мужчиной с тяжелым взглядом. Мы сидели в прохладном дегустационном зале, и переговоры откровенно летели в пропасть.

— “Сеньор Соколов, я не продаю свои лучшие винтажные вина для корпоративных попоек,” — жестко заявил Ривас на безупречном английском, отодвигая от себя контракт. — “Для меня виноделие — это искусство. А ваши инвесторы выпьют его, даже не поняв букета, обсуждая свои акции.”

Кирилл нахмурился, его голос был жесткий и уверенный:

— “Я предлагаю двойную цену сверх рынка, сеньор. Это весьма щедрая компенсация за ваши переживания об искусстве.”

Ривас оскорбленно вспыхнул и уже открыл рот, чтобы выставить нас за дверь. Кирилл давил деньгами и авторитетом, но здесь этот шаблон не работал.

— “Сеньор Ривас, простите,” — я мягко, но решительно вмешалась, закрывая свой планшет и отодвигая его в сторону. Я перевела взгляд на хозяина поместья, включив весь свой многолетний опыт продажника. — “Мы не просим вас продать вино для попойки. Мы просим вас стать соавтором шедевра.”

Оба мужчины удивленно уставились на меня.

— “Что вы имеете в виду, юная леди?” — недоверчиво прищурился испанец.

— “На горячее мы подаем фермерскую телятину с трюфельным пюре,” — я говорила уверенно, глядя ему прямо в глаза. — “Мясо будет томиться двенадцать часов. У него сложный, землистый вкус с нотками дыма. Если мы подадим к нему стандартное бордо, оно убьет блюдо. Но ваш винтаж с его терпкостью и ароматом вишни создаст идеальную гармонию. Мы не просто нальем вино в бокалы. Мы впишем ваше имя в меню как главный гастрономический акцент вечера. Пятьдесят самых влиятельных людей Европы увидят не бренд, а вашу страсть.”

В зале повисла абсолютная тишина. Ривас медленно перевел взгляд с меня на Кирилла. В его глазах загорелось уважение.

— “Ваша помощница знает толк в истинной презентации, сеньор Соколов,” — задумчиво произнес старик, пододвигая к себе ручку.

Кирилл посмотрел на меня. В его синих глазах не было ни похоти, ни привычной светской снисходительности. Там горело искреннее, глубокое восхищение моей компетентностью.

— “Она не помощница, сеньор,” — ровным, уверенным голосом ответил Кирилл, не отрывая от меня взгляда. — “Она мой полноправный партнер. И я полностью доверяю её вкусу.”

От этих слов по спине пробежали мурашки. Мой бывший муж пять лет прятал меня за кулисами, присваивая мои заслуги. Кирилл же только что приравнял меня к себе перед важным клиентом. Без малейших колебаний.

Мы вышли из поместья с подписанным контрактом. Я чувствовала невероятный подъем.

И тут раздался звонок мобильника у Кирилла.

Его телефон завибрировал короткими, настойчивыми импульсами. Соколов достал аппарат из кармана светлых брюк, и я увидела, как улыбка, еще секунду назад игравшая на его губах, мгновенно стерлась. Лицо окаменело, превратившись в непроницаемую маску. Передо мной внезапно оказался не обаятельный бабник-романтик, с которым я препиралась на вилле, а тот самый безжалостный хищник из башни “Федерация”, способный одним взглядом стирать конкурентов в пыль.

Глава 16

— “Але,” — его голос был злой и раздраженный.

Я стояла рядом, прижимая к груди папку с подписанным контрактом, и физически ощущала, что что-то пошло не так.

— “Когда пошел слив?” — Кирилл сузил глаза, глядя куда-то поверх виноградников сеньора Риваса. — “Громов? Полная калька нашей нейросети? Я понял. Азиаты уже видели пресс-релиз? Блокируй всё, что сможешь в медиа. Я вылетаю.”

Он сбросил вызов и с силой сжал телефон в руке, так что побелели костяшки пальцев. В его синих глазах полыхала чистая, концентрированная ярость. От этой мощной, темной энергетики по моей спине пробежал невольный холодок. Мужчина, вызывающий такой животный трепет, был смертельно опасен, но именно сейчас, в эту секунду, я не могла отвести от него взгляд.

— “Что случилось?” — мой голос прозвучал тише обычного, но абсолютно спокойно. Истерить и хлопать ресницами я отучилась еще в первые годы брака с Вадимом.

Кирилл резко повернулся ко мне.

— “Мой бывший партнер, а ныне главный конкурент, Громов, только что выкатил презентацию своего проекта. Один в один наша архитектура «Умного города», под которую мы и собираем инвесторов на следующей неделе. Кто-то слил ему закрытые данные.”

— “Он украл вашу разработку перед самым банкетом?” — я мгновенно переключилась в рабочий режим. Внутри щелкнул невидимый тумблер. Мои собственные страхи, шелковые простыни и ночные побеги отошли на задний план. Передо мной стояла конкретная, осязаемая катастрофа, а с катастрофами я работать умела.

— “Хуже,” — Кирилл быстро зашагал к ожидающему нас кабриолету, на ходу бросая ключи водителю-испанцу, чтобы тот уступил место. — “Он не просто скопировал продукт. Он ударил по самому больному месту. Громов запустил черный пиар. Азиатские инвесторы — люди предельно консервативные. Для них важен не только код, но и лицо компании. Громов слил в сеть целую подборку моих… похождений. Отели, яхты, скандалы с моделями. Он выставляет меня нестабильным плейбоем, которому нельзя доверить многомиллиардный контракт. И предлагает им свою, «надежную» альтернативу.”

Мы запрыгнули в машину. Мотор взревел, и джип сорвался с места, оставляя за собой облако пыли.

Я вцепилась в ручку на дверце, лихорадочно соображая.

— “Значит, идеальное вино сеньора Риваса нас не спасет,” — констатировала я, перекрикивая шум ветра. — “Если они считают вас легкомысленным, роскошный банкет только подтвердит этот имидж. Они решат, что вы пускаете пыль в глаза вместо того, чтобы заниматься бизнесом.”

Кирилл бросил на меня быстрый, острый взгляд. В нем мелькнуло удивление, мгновенно сменившееся жгучим одобрением.

— “Именно, Алена,” — он вдавил педаль газа в пол. — “Сделка висит на волоске. Если я не переубежу их на этом приеме — проект, в который вложены годы работы и гигантские суммы, рухнет.”

Обратный перелет в Москву напоминал работу в военном штабе. Частный джет мягко разрезал облака, но внутри салона было напряженно.

Кирилл не отрывался от телефона и ноутбука, раздавая жесткие приказы своей службе безопасности и юристам. Он вычислял крота, рубил концы, строил защиту. Я видела его в абсолютной, безжалостной стихии. Никаких красивых жестов и сладких речей. Только холод-

ный расчет, власть и невероятная мужская сила, которая заставляла мое сердце сжиматься от смеси страха и восторга.

Я тоже не сидела без дела. Расположившись за широким столом из красного дерева, я полностью перекраивала концепцию мероприятия.

— “Кирилл,” — я позвала его, не отрываясь от экрана планшета. — “Я отменяю неоновую подсветку и диджея на велком-зоне. Это слишком по-клубному. Заменяем на струнный квартет. Классика, сдержанность. Декор уводим из золота в глубокий изумрудный и темное дерево. Это цвета стабильности и уверенности.”

Он оторвался от своих графиков, подошел ко мне и оперся руками о стол, нависая сверху. От него пахло крепким кофе и тем самым мужским парфюмом, от которого у меня мутился рассудок.

— “Ты переделываешь смету прямо в воздухе?” — его голос прозвучал неожиданно мягко.

— “Я спасаю свою премию, которой вы покроете мой долг за машину,” — сухо отозвалась я, методично вычеркивая пункты. — “Если Громов бьет по вашему имиджу бабника, мы должны дать инвесторам образ серьезного, остепенившегося человека. Никаких длинноногих хостес в мини-юбках. Нанимаем строгий персонал. Всё должно кричать о том, что вы — монолит, а не участник светских хроник.”

Соколов смотрел на меня в упор. В его взгляде не было привычной снисходительности. Он смотрел на меня как на равную. Как на партнера, который встал с ним спина к спине в момент, когда всё летело в бездну.

Его горячая ладонь неожиданно легла поверх моей руки, сжимающей стилус. Пальцы Кирилла чуть сжались, заставляя меня остановиться.

— “Знаешь, Алена,” — произнес он очень тихо, так, что звук турбин почти заглушал его слова. — “Я привык, что женщины в моем окружении при первых признаках проблем начинают требовать внимания или просто исчезают, чтобы не портить себе настроение. А ты сидишь здесь и хладнокровно вытаскиваешь мой зад из огня.”

— “Это моя работа,” — я сглотнула, чувствуя, как от его прикосновения по коже расходится жар. — “Я отрабатываю долг.”

— “К черту долг,” — он резко убрал руку, словно обжегшись, и прошелся по салону. Остановился у иллюминатора, глядя на ночные огни приближающейся Москвы. — “Струнный квартет и правильный цвет скатертей — это отлично. Это сработает на атмосферу. Но этого мало, чтобы перебить целенаправленный вброс конкурента.”

Я нахмурилась, откидываясь на спинку кожаного кресла.

— “Что вы имеете в виду?”

Кирилл медленно повернулся. Свет в салоне падал так, что половина его лица оставалась в тени, подчеркивая резкие, волевые скулы.

— “Азиаты инвестируют в людей. Громов убедил их, что я — ветер. Сегодня здесь, завтра на островах с новой моделью. Человек без корней, без привязанностей, готовый бросить всё ради скуки. Чтобы их переубедить, мне нужно показать им то, чего они не ожидают увидеть.”

— “Что именно?” — внутри у меня начала сворачиваться тугая, тревожная пружина.

Он подошел ко мне вплотную. В синих глазах горел тот самый огонь авантюризма, смешанный с абсолютной безапелляционностью.

— “Мне нужно показать им семью и стабильность. Женщину, ради которой я остепенился и которая стоит за моей спиной.”

Я нервно сглотнула, инстинктивно вжимаясь в кресло.

— “Так позвоните одной из своих бывших. Заплатите ей, пусть сыграет роль благочестивой спутницы на один вечер.”

— “Они все есть в светских хрониках. Инвесторы знают их лица и знают мою репутацию с ними,” — Кирилл наклонился ко мне так близко, что наши дыхания смешались. Его голос упал до бархатного, вибрирующего шепота, от которого по телу прокатилась дрожь. — “Мне нужна женщина из реального мира. Умная, сдержанная, способная осадить любого и вести переговоры с сеньором Ривасом так, что у того отпадает челюсть.”

— “Нет,” — выдохнула я, прекрасно понимая, к чему он ведет. — “Даже не думайте.”

— “Алена, наш договор меняется,” — он не спрашивал разрешения, он констатировал факт, отрезая все пути к отступлению. — “На этом банкете ты будешь присутствовать не как мой ивент-менеджер.”

— “А как кто?!” — я вскинула подбородок, изо всех сил стараясь не выдать панику.

Кирилл самодовольно усмехнулся, и в этом жесте было столько властной уверенности, что спорить казалось бесполезно.

— “Как моя официальная невеста.”

Глава 17

— “Невеста? Вы, должно быть, шутите, Соколов!” — мой голос сорвался, когда частный джет слегка тряхнуло в зоне турбулентности.

Я вскочила с роскошного кожаного кресла, едва не выронив планшет с недоделанной сметой. Воздух в салоне внезапно стал слишком душным. Одно дело — терпеть его экстравагантные ухаживания наедине, и совершенно другое — выставить себя напоказ перед всей деловой элитой, играя роль декоративной собачки при богатом хозяине.

— “Сядь, Алена, и пристегни ремень,” — абсолютно ровным тоном произнес Кирилл. В его голосе звучала та самая непререкаемая власть, которая заставляла подчиненных в башне «Федерация» не уходить с работы раньше времени и вообще сидеть допоздна. — “Это не шутка. Это холодный расчет. Громов ударил по моей репутации, выставив меня нестабильным бабником. Единственный способ перекрыть этот информационный вброс — предъявить инвесторам женщину, ради которой я остепенился. Строгую, умную, настоящую.”

— “Я не актриса,” — я упрямо скрестила руки на груди, игнорируя приказ сесть. — “Я провалю эту роль в первую же секунду. Инвесторы моментально раскусят фальшь. У меня на лбу написано, что я менеджер по продажам с кучей долгов, а не спутница миллиардера.

Кирилл мягко усмехнулся. Моя доводы его совершенно не впечатлили. Он шагнул ко мне, нарушая все границы личного пространства, и уверенно положил горячие ладони на мои напряженные плечи, мягко усаживая обратно в кресло.

— “Мне не нужна актриса,” — он оперся руками о подлокотники, нависая надо мной. — “Мне нужна ты. С твоим колючим взглядом, с твоей привычкой всё контролировать. Они увидят, что ты не смотришь мне в рот, как мои бывшие пассии. Они увидят партнершу. Тебе не нужно играть страсть, Алена. Просто позволь мне ухаживать за тобой на публике. А с твоей стороны требуется лишь одно — не отталкивать меня.”

Мое сердце забилось сильнее.Его синие глаза смотрели с такой пронзительной серьезностью, что все заготовленные аргументы рассыпались в прах.

— “Это только ради сделки,” — хрипло выдавила я, чувствуя, как капитулирую под его напором. — “Один вечер. Мы спасаем контракт, вы списываете мой долг, и мы расходимся.”

— “Как скажешь, любимая,” — уголок его губ дрогнул в знакомой, самоуверенной полуулыбке. Он выпрямился, мгновенно переключаясь в режим дельца. — “А теперь возвращайся к своим таблицам. Нам предстоит тяжелый день.”

Москва встретила нас проливным дождем и ледяным ветром. Контраст с теплым испанским солнцем ударил по нервам. Пока мы ехали в Горки, я отчаянно пыталась собраться с мыслями. Моя жизнь превратилась в скоростное шоссе, где за рулем сидел Соколов, а у меня даже не было тормозов.

Тяжелая дверь особняка бесшумно открылась. Я шагнула в залитый мягким светом холл, по привычке пытаясь перехватить из рук водителя свою тяжелую сумку с ноутбуком и документами.

— “Я сама возьму,” — машинально бросила я.

Но Кирилл оказался быстрее. Он просто перехватил ремень сумки, легко закинул её себе на плечо и свободной рукой снял с меня промокший плащ. Он сделал это так буднично, словно носил мои вещи каждый день.

— “Хватит воевать со мной из-за каждой мелочи,” — спокойно произнес он, вешая плащ на крючок. — “Иди в гостиную. Нас там заждались.”

Я непонимающе нахмурилась и сделала несколько шагов по идеальному паркету. В огромной, минималистичной гостиной, прямо на фоне бархатно-бордового мозаичного панно, стояли шесть женщин в строгих черных костюмах. Вокруг них громоздились мобильные

вешалки, плотно увешанные чехлами с одеждой, открытые кейсы с косметикой и ряды коробок с обувью.

— “Что это?” — я опешила, остановившись как вкопанная.

Кирилл подошел сзади, его рука собственнически легла мне на талию, обжигая сквозь тонкую ткань блузки.

— “Это, моя дорогая невеста, твоя новая броня,” — его голос вибрировал от предвкушения. — “Завтра ты должна выглядеть так, чтобы Громов подавился своим коктейлем, а инвесторы захотели отдать нам все свои деньги до копейки. Девочки, приступайте.”

Главная “девочка”, высокая женщина с идеальным каре, шагнула ко мне с измерительной лентой в руках, отрезая все пути к отступлению. И тут мой взгляд упал на прозрачный чехол, который вытащила её помощница. Под пленкой переливалось что-то невероятно узкое, полупрозрачное и усыпанное стразами.

У меня в голове пронеслось. Если они заставят меня надеть это на деловой прием, азиатские инвесторы решат, что вместо презентации «умного города» им покажут шоу кабаре, а я в нем — главная прима!

Глава 18

— “Уберите это немедленно,” — ледяной голос Кирилла раздался прямо над моим ухом, опередив мои собственные возмущения.

Стилистка замерла с прозрачным чехлом в руках.

— “Но Кирилл Сергеевич,” — растерянно моргнула она, — “Это последняя коллекция. Все светские львицы сейчас…”

— “Алена не светская львица. Она партнер,” — жестко отрезал Соколов, проходя в центр комнаты и по-хозяйски оглядывая стойки с одеждой. Он забраковал три платья с глубоким декольте, платье с перьями и нечто золотое, напоминающее обертку от дорогой конфеты. — “Никакой пошлости. Никакого кричащего логотипа. Я хочу тихую роскошь. Она должна выглядеть так, словно родилась с миллионами на счету и ей не нужно ничего доказывать.”

Его пальцы уверенно вытянули из глубины вешалки плотный чехол из матовой ткани. Он расстегнул молнию, и я затаила дыхание.

Это было платье насыщенного цвета спелой черной черешни. Строгий, почти архитектурный крой, длинные рукава, закрытая ключица. Вся провокация заключалась в идеальной посадке, подчеркивающей изгибы тела, и тяжелом, струящемся шелке, который стекал по фигуре тяжелыми, завораживающими волнами.

— “Примерь,” — он протянул платье мне, и в его синих глазах заплясали искры.

Следующие два часа превратились в четко отлаженный механизм. Стилисты колдовали над моими волосами, собирая их в гладкий, элегантный узел на затылке. Визажист наносил макияж, подчеркивая скулы и делая взгляд выразительным без грамма лишней яркости. Я сидела перед огромным зеркалом и ловила себя на мысли, что впервые за много лет мне не нужно контролировать процесс. Кирилл взял всё на себя. Он не пытался сделать из меня куклу — он подчеркивал мои сильные стороны, обрамляя её в дорогую оправу.

Когда я, наконец, надела темно-бордовое платье и встала на классические черные лодочки, в гостиной повисла тишина. Я посмотрела на свое отражение. На меня смотрела женщина, которая никогда не пересчитывала копейки в продуктовом, никогда не плакала на кухне из-за предательства мужа. Сильная, уверенная и безупречная.

Кирилл медленно подошел ко мне со спины. Его взгляд в зеркале встретился с моим. В этих синих глубинах было столько неприкрытого, обжигающего восхищения, что у меня перехватило дыхание.

— “Идеально,” — хрипло произнес он. — “Моя королева.”

Стилисты быстро собрали свои вещи и растворились, оставив нас в тишине огромного дома. Напряжение завтрашнего банкета уже висело в воздухе.

Ближе к полуночи я сидела за огромным каменным кухонным островом, отчаянно пытаясь свести финальные списки гостей. Цифры плыли перед глазами. Сказывался перелет, смена часовых поясов и дикий стресс. Я потерла воспаленные глаза, привычно ругая себя за слабость. Еще пара часов, и всё будет готово, я должна справиться сама.

Тихие шаги заставили меня вздрогнуть. Кирилл появился на кухне в простых серых спортивных штанах и белой футболке, домашний и уставший.

Он молча подошел к плите, включил чайник и достал из холодильника продукты. Я с недоумением наблюдала, как он ловко режет хлеб, сыр и ветчину.

Через пять минут передо мной на столешницу опустилась огромная кружка горячего травяного чая и тарелка с двумя горячими, идеально поджаренными сэндвичами.

— “Ешь,” — коротко приказал он.

— “Мне нужно закончить тайминг…” — я потянулась к клавиатуре.

Кирилл просто взял и захлопнул крышку моего ноутбука. Мягко, но абсолютно безапелляционно.

— “Тайминг идеален. А вот ты сейчас упадешь в обморок прямо на пол,” — он присел на высокий барный стул рядом со мной. — “Алена, хватит тащить на себе весь мир. Отдай эту ношу мне. Хотя бы на сегодня.”

Я посмотрела на горячий сэндвич. Это было так просто. Никаких Канар, никаких миллионных букетов роз, которые вызывали у меня аллергию. Просто еда для уставшей женщины. Внутри меня что-то надломилось. Железобетонная стена, которую я старательно выстраивала вокруг своего сердца после развода, дала огромную трещину.

Я откусила кусок, чувствуя, как по телу разливается спасительное тепло. Кирилл пил свой чай, молча наблюдая за мной. В его присутствии было так безопасно, что глаза начали закрываться. Усталость накатила гигантской волной, сметая остатки воли.

Я сама не заметила, как моя голова медленно опустилась. Твердое, горячее плечо Кирилла оказалось идеальной подушкой. Знакомый запах мужского парфюма и чистой кожи окутал меня, убаюкивая надежнее любого снотворного.

— “Ты в безопасности, маленькая моя,” — его низкий, хриплый шепот донесся словно сквозь вату.

Сильные руки подхватили меня, легко поднимая в воздух. Я сквозь сон почувствовала, как он несет меня по лестнице. Мой внутренний голос попытался подать сигнал тревоги, напомнить о том, что нельзя спать в доме бабника-романтика, но тело отказалось подчиняться. Я зарылась носом в его шею, шумно выдыхая.

Кирилл осторожно опустил меня на прохладные простыни гостевой спальни. Он укрыл меня одеялом, задержав горячую ладонь на моей щеке чуть дольше положенного.

— “Завтра мы порвем их всех,” — тихо произнес он в темноте. — “А потом я докажу тебе, что я никуда не исчезну.”

Раздался тихий щелчок закрываемой двери. Я провалилась в глубокий сон, даже не подозревая, какой ад устроит мне мой бывший муж прямо на красной ковровой дорожке завтрашнего приема.

Глава 19

Утро началось с абсолютной тишины. Я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела на белоснежный потолок гостевой спальни, пытаясь осознать, почему мое тело не ноет от привычного напряжения.

Я проснулась сама, даже не дожидаясь звонка будильника. Память услужливо подкинула картинку вчерашнего вечера: теплая кухня, горячий сэндвич и плечо Кирилла, на котором я просто отключилась. Он не стал меня будить и отнес меня в постель, укрыв одеялом. От этой мысли внутри разлилось странное, щемящее тепло, которое я тут же постаралась задушить. Расслабляться нельзя. Сегодня мы идем на войну.

Выпив кофе, я сразу же уехала на площадку. Мне нужно было лично проконтролировать каждую мелочь: расстановку света, настройку звука, логистику официантов и температуру подачи горячих закусок. Я убедилась, что пошлую неоновую подсветку полностью убрали, заменив на благородный, статусный изумрудный цвет, а струнный квартет уже репетирует в фойе. Лишь когда всё заработало как часы, я выдохнула и вернулась в Горки-9.

К вечеру дом превратился в настоящий штаб. Когда мы со стилистами повторили образ и я надела то самое платье цвета спелой черешни, струящийся тяжелый шелк лег по фигуре так идеально, словно был моей второй кожей. Я смотрела на свое отражение и не узнавала ту загнанную, уставшую женщину, которой была еще неделю назад. Волосы убраны в строгий узел, макияж безупречен. Никакой вычурности, только тихая, уверенная сила.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошел Кирилл. Передо мной он стоял в классическом черном смокинге, сидевшем на его широких плечах так, будто он в нем родился. В его образе больше не было ни капли от вальяжного столичного бабника.

Он остановился в паре шагов, и его взгляд медленно скользнул по моему лицу, задержавшись на губах. В его синих глазах не было снисходительности, только абсолютное, пронзительное мужское восхищение.

— “Ты выглядишь так, что я готов отменить этот прием и запереть все двери в доме,” — его голос прозвучал чуть глуше обычного.

— “Сначала мы спасем вашу сделку, Кирилл Сергеевич,” — я заставила себя улыбнуться, хотя от его тона по спине побежали горячие мурашки. — “Я готова. Мы можем ехать.”

Он подошел вплотную, нежно, но властно взял меня за руку и переплел наши пальцы. Его ладонь была горячей и сухой.

— “Сегодня никаких ‘Кирилл Сергеевич’ и никаких таблиц, Алена. Ты — моя женщина. И всё, что от тебя требуется, — это просто быть рядом и позволить мне защищать нас.”

Салон внедорожника пах дорогой кожей и его чистым парфюмом. Пока мы ехали к площадке, я мысленно прокручивала тайминг мероприятия, отчаянно пытаясь удержать в голове роль менеджера. Но Кирилл не выпускал мою руку всю дорогу, поглаживая большим пальцем мое запястье, и это простое, ритмичное движение успокаивало лучше любого успокоительного.

К моменту, когда мы плавно подкатили к парадным дверям старинного особняка, репортеры деловых изданий и светской хроники уже выстроились плотной, агрессивной стеной. Площадка перед входом выглядела безупречно: фасад утопал в изумрудном свете, а из открытых дверей доносилась живая, обволакивающая игра виолончели.

Едва дверца машины распахнулась, на нас обрушился шквал фотовспышек. Кирилл вышел первым, подал мне руку и уверенно притянул к себе, по-хозяйски обнимая за талию.

— “Улыбайся, любимая. Они уже едят нас глазами,” — шепнул он мне на ухо, незаметно кивая в сторону группы солидных инвесторов азиатской внешности, которые стояли у входа с бокалами коктейлей.

Я чуть плотнее прижалась к его боку, ощущая невероятное спокойствие рядом с этим мужчиной. Мы неспешно пошли по ковровой дорожке, и сквозь треск фотовспышек я отчетливо уловила сбоку разочарованный шепоток какого-то репортера: «А где декольте? Он что, привел своего аудитора?». Я едва сдержала ухмылку. Да, мальчики, расходимся, сегодня никаких страз и перьев.

В просторном фойе нас уже поджидал Громов. Бывший партнер Кирилла, а ныне его главный конкурент, выглядел лощеным и подозрительно довольным. Его липкий взгляд скользнул по моему наряду, и на тонких губах расцвела ядовитая ухмылка.

— “Кирилл! Какая неожиданность,” — Громов картинно развел руками. — “Азиатские партнеры только что обсуждали твои увлекательные приключения на яхтах. А ты вдруг явился со столь строгой спутницей. Пытаешься пустить пыль в глаза консервативным гостям?”

— “Я просто перерос те времена, когда мне было интересно играть в твоей песочнице, Максим,” — абсолютно спокойно парировал Соколов, крепче прижимая меня к себе. — “Знакомься. Моя невеста, Алена. И в отличие от твоих проектов, она настоящая.”

Громов прищурился, явно собираясь выдать очередную колкость, но внезапно со стороны кордона охраны раздался громкий, скандальный шум.

Через толпу фотографов, яростно расталкивая секьюрити, прорывался Вадим. Мой бывший муж был в том самом дорогом костюме, который я покупала ему со своей последней годовой премии. Его лицо пошло красными пятнами от злости, волосы растрепались, а в руке он судорожно сжимал какую-то толстую папку с бумагами. Люди Громова совершенно очевидно пропустили его через оцепление намеренно, чтобы устроить публичную казнь нашей репутации.

— “Алена!” — его истеричный крик перекрыл даже музыку струнного квартета.

Камеры репортеров мгновенно развернулись в его сторону. Вспышки замигали с пугающей частотой, ослепляя.

— “Невеста?! Какая она к черту невеста!” — надрывался Вадим, брызгая слюной. Он упивался своим триумфом, чувствуя себя полноправным хозяином положения. — “Господа инвесторы, вам нагло врут! Эта женщина — банкрот! Неделю назад она влетела в его спорткар и теперь просто отрабатывает многомиллионный долг в его постели! У меня есть копия полицейского протокола! Он нанял ее за долги, чтобы разыграть перед вами этот жалкий спектакль!”

В огромном фойе повисла тишина. Вадим ударил в самое больное, незащищенное место. Я инстинктивно дернулась, чтобы вырваться, убежать, скрыться от этих сотен жадных, осуждающих глаз. Меня захлестнула паника.

Но длинные пальцы Соколова на моей талии сжались так сильно, что я тихо охнула. Кирилл медленно, с абсолютной уверенностью сильного мужчины повернулся к журналистам. На его красивом лице не дрогнул ни один мускул.

— “Ты закончил?” — голос Кирилла прозвучал негромко, но этот тяжелый баритон многократно усилился эхом под высокими сводами, заставив всех присутствующих вжать головы в плечи.

Соколов плавно отпустил мою талию, шагнул прямо к моему бывшему мужу, нависая над ним несокрушимой скалой, и достал из внутреннего кармана смокинга сложенный втрое плотный лист бумаги с гербовой печатью.

— “Раз уж мы перешли к публичному изучению документов,” — произнес Кирилл, и в его синих глазах полыхнула такая ледяная, уничтожающая ярость, что Вадим испуганно попятился назад. — “Думаю, прессе будет гораздо интереснее узнать, что именно ты скрыл от своей новой беременной жены и зачем на самом деле приполз сюда сегодня вечером.”

Я перестала дышать, глядя на этот белый лист бумаги в руках миллиардера, и с замиранием сердца поняла, что прямо сейчас Кирилл Соколов собирается в прямом эфире стереть Вадима в порошок.

Глава 20

— “Это,” — голос Кирилла звучал абсолютно ровно, но каждый слог разносился по огромному фойе, — “заключение финансового аудита. Моя служба безопасности работает крайне эффективно, Вадим. Здесь подробно описано, как именно ты вывел тридцать миллионов из инвестиционного фонда твоего нового тестя, чтобы покрыть дыры в своем жалком стартапе. И перевел их на подставные счета своей матери.”

Лицо Вадима на глазах приобрело цвет старого асфальта. Он судорожно сглотнул, попытавшись что-то сказать, но из горла вырвался только невнятный, жалкий хрип. Папка с его «компроматом» на меня дрогнула в ослабевших руках.

— “Ты пришел сюда строить из себя оскорбленного мужа,” — Кирилл сделал плавный шаг вперед, возвышаясь над моим бывшим как монолитная скала. — “Человек, который при разводе мелочно делил старые телевизоры и требовал вернуть подаренный мобильный телефон, теперь пытается играть в высшей лиге. Ты — обычный вор, обворовавший собственную новую семью. И этот документ ровно пять минут назад отправился на личную почту твоему тестю.”

В этот самый момент в кармане Вадима истошно, пронзительно зазвонил телефон. Мой бывший муж вздрогнул, словно от сильного удара током, и затравленно уставился на светящийся экран.

— “Уберите этот мусор с моей дорожки,” — брезгливо кивнул Кирилл охране, даже не повышая голоса.

Крепкие парни в темных костюмах мгновенно подхватили Вадима под руки и бесцеремонно поволокли прочь от вспышек фотокамер. Он даже не пытался сопротивляться, его остекленевший взгляд оставался прикованным к звонящему телефону, который прямо сейчас означал конец его глянцевой, сытой жизни за чужой счет.

Кирилл невозмутимо убрал лист обратно во внутренний карман идеального смокинга. Он повернулся к застывшему Громову и ослепительно улыбнулся.

— “Прости за эту небольшую заминку, Максим. К сожалению, мелкие мошенники иногда пытаются привлечь к себе внимание за счет чужого успеха. Но мы всё уладили.”

Соколов плавно перевел взгляд на делегацию азиатских инвесторов и заговорил на безупречном, беглом английском. Его тон излучал такую уверенность и непоколебимую стабильность, что мистер Чен, глава делегации, задумчиво закивал.

Я стояла рядом, переводя дыхание, и видела, как в глазах инвесторов загорается глубокое уважение.

— “Мужчина, который так яростно защищает свою женщину, будет так же надежно защищать наши инвестиции,” — веско произнес мистер Чен по-русски с легким акцентом, направляясь к открытым дверям особняка.

Громов остался стоять на улице с перекошенным от бессильной злобы лицом, а наш банкет закружился в выверенном, идеальном ритме. Всё работало как дорогие швейцарские часы. Изумрудный свет создавал атмосферу спокойной роскоши, струнный квартет виртуозно играл классику, а когда официанты подали горячую фермерскую телятину в сопровождении вина сеньора Риваса, инвесторы пришли в полный гастрономический восторг.

Я контролировала тайминг, сверялась с графиком подачи блюд и общалась с гостями, но впервые за долгие годы я делала это не одна. Кирилл постоянно находился рядом. Его горячая рука то и дело по-хозяйски ложилась мне на талию, он вовремя подавал мне бокал с водой, непринужденно перехватывал на себя сложные вопросы и смотрел на меня так, что у меня перехватывало дыхание. Он делом доказывал свою поддержку, снимая с моих плеч добрую половину этого невыносимого груза ответственности.

Когда последний гость удовлетворенно покинул площадку, а подписанный контракт на многие миллионы долларов лег в кожаную папку, мои силы закончились окончательно. Строгие лодочки превратились в изощренное орудие пыток, а спина гудела от многочасового напряжения.

Мы сели на заднее сиденье внедорожника, и я просто откинула голову на подголовник, прикрыв глаза.

— “Мы едем не в Горки,” — тихо произнес Кирилл, обращаясь к водителю. — “В Сити.”

Я приоткрыла один глаз, собираясь возмутиться внезапной смене маршрута, но Соколов мягко приложил теплый палец к моим губам.

— “Моя квартира в Москва-Сити создана для совещаний и отдыха после сложных переговоров,” — его бархатный голос окутывал и убаюкивал. — “Это в башне Федерация, на самом высоком этаже, трехуровневый пентхаус. Намного ближе, чем сейчас ехать за город. Тебе нужно немедленно лечь, Алена.”

Спустя полчаса мы вошли в его городское убежище. Пентхаус поражал воображение: огромные панорамные окна в пол, за которыми с головокружительной высоты расстилалась мерцающая ночная Москва, и строгий, выверенный интерьер без единой лишней детали.

Я скинула плащ и обессиленно опустилась на огромный кожаный диван посреди гостиной. Всё мое тело ломило.

Кирилл подошел ко мне, опустился на колени прямо на дорогой ворс ковра и бережно обхватил мою лодыжку.

— “Я сама разуюсь,” — я попыталась отодвинуться, инстинктивно выстраивая привычный барьер.

— “Прекрати,” — он мягко, но безапелляционно снял с моей ноги одну туфлю, затем вторую.

Его большие, горячие ладони начали ритмично разминать мои гудящие ступни. Он делал это совершенно спокойно и сосредоточенно. Мужчина, который пару часов назад ворочал миллиардами и безжалостно уничтожал конкурентов, сейчас сидел на полу и делал мне массаж ног. Тепло от его сильных пальцев медленно поднималось вверх, расслабляя каждую зажатую мышцу.

Кирилл легко поднялся, сел на диван рядом со мной и уверенно притянул меня к себе. Я сдалась. Подалась вперед, утыкаясь носом в его плечо, с наслаждением вдыхая чистый мужской аромат, смешанный с запахом ночной прохлады.

Его сильные руки обвили мою спину, бережно поглаживая через плотный шелк платья. В этом жесте не было ни капли той показной, театральной страсти, которую он демонстрировал на публике для инвесторов. Только искренняя, глубокая нежность, от которой хотелось расплакаться.

— “Ты сегодня была просто великолепна,” — прошептал он, зарываясь лицом в мои волосы. — “Мы победили. И мы сделали это вместе.”

Слово “вместе” резануло по ушам и одновременно отозвалось невероятным теплом. В моем браке не было никакого “вместе”. Была я, тянущая лямку и решающая проблемы, и Вадим, красиво пожимающий руки на презентациях. А здесь этот сильный, уверенный в себе мужчина открыто признавал мой вклад.

Я медленно подняла голову. Наши лица оказались так близко, что я чувствовала на своих губах его горячее дыхание. В его синих глазах читалась абсолютно нескрываемая, откровенная мужская потребность. Я сама подалась вперед, окончательно сокращая это ничтожное расстояние, отвечая на его притяжение.

Поцелуй вышел глубоким, тягучим, полным благодарности и давно невысказанного желания. Кирилл целовал меня так, словно у нас впереди была целая вечность. Его ладони скользнули по моей талии чуть выше, уверенно прижимая меня к его горячей груди. Мои

пальцы зарылись в его густые волосы, разрушая идеальную укладку. Кровь запульсировала быстрее, в голове не осталось ни единой мысли. Только этот момент. Только жар его тела и вкус его губ.

И в этот самый момент идеальную, интимную тишину пентхауса разорвал резкий, настойчивый звук дверного звонка.

Я вздрогнула. Кирилл раздраженно выдохнул прямо мне в губы, неохотно отстраняясь.

— “Кого там принесло посреди ночи?” — в его голосе зазвучала сталь. — “Охрана внизу никого не должна была пускать без моего личного распоряжения.”

Он поднялся, подошел к встроенной панели умного дома на стене и нажал кнопку вывода изображения с камер видеонаблюдения. Я попыталась выровнять сбившееся дыхание, поправила растрепавшиеся волосы и подошла к нему, заглядывая через его широкое плечо на яркий экран.

И в ту же секунду почувствовала, как остатки приятной, обволакивающей истомы мгновенно испаряются, уступая место ледяному, отрезвляющему холоду.

На пороге пентхауса, прямо перед камерой внешнего лифтового холла, стояла роскошная, безупречно ухоженная брюнетка На ней было откровенное красное платье, едва прикрывающее длинные ноги, а на плечи накинуто дорогое меховое манто. В руках она небрежно и очень по-хозяйски крутила связку ключей от этой самой квартиры.

Она посмотрела прямо в объектив камеры, и на ее пухлых губах заиграла капризная, уверенная улыбка женщины, которая точно знает, что ей здесь рады.

— “Кирюш, открывай,” — протянула она, и ее звонкий голос раздался из динамиков панели. — “Я вернулась из Милана пораньше. Сюрприз!”

*** От автора ***

Дорогие читатели! Я предупреждала, что Кирилл — бабник по натуре, но даже я не ожидала, что он способен на ТАКОЕ. Вы же не думали, что всё будет так просто? Вадим повержен, но впереди — новый удар в самое сердце.

Только наша героиня позволила себе растаять после горячего поцелуя, как прошлое Соколова врывается в пентхаус со своими ключами! Неужели его забота — лишь красивая ширма, и он ничем не лучше бывшего мужа? Но главная бомба ждет Алену в телефоне: юрист нашла в контракте мелкий шрифт, от которого просто кровь стынет в жилах. Наша девочка угодила в безжалостную ловушку на миллиард.

Хотите увидеть, как самоуверенный босс впервые в жизни впадает в панику, а Алена красиво утирает ему нос? Поддержите героиню в платной части! Открывайте следующую главу — настоящая битва за независимость и любовь начинается прямо сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.